

АННА ФИЦДЖЕРАЛЬД ХИЛИ

ЭТИКЕТ
для
УБИЙЦ
и
ВЛЮБЛЕННЫХ

роман

Анна Фицджеральд Хили

Этикет для убийц и влюбленных

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74567926

Анна Фицджеральд Хили. Этикет для убийц и влюбленных: Фантом

Пресс; Москва; 2026

ISBN 978-5-907943-25-4

Аннотация

Детектив-головоломка в духе Агаты Кристи, завернутый в иронически-романтическую историю.

Каковы шансы получить любовное послание и обручальное кольцо от совершенно незнакомого человека, а на следующий день увидеть труп роковой красотки, которой адресовано письмо? Вроде бы ничтожны, но именно это случается с Билли, самой обычной девушкой, живущей в маленьком городке, где ничего никогда не происходит. На дворе 1964-й, мир уже завоеван рок-музыкой и мини-юбками, жизнь стремительно меняется... но только не в Истпорте, штат Мэн, погруженном в уютную дрему. Билли, работающая в обычном ателье, смертельно скучает. Вокруг одни лишь унылые люди с вежливыми манерами, от которых романтики, а уж тем более тяги к приключениям нечего и ждать. Но однажды интрига буквально врывается в жизнь

Билли – в виде таинственного письма. И в этот же день Билли встречает свой идеал – красивый, остроумный, застенчивый и... богатый. Билли разрывается между романтическими чувствами и желанием выяснить, что за загадочное письмо она получила. И закручивается история, в которой расследование, шампанское и поцелуи одинаково важны. «Этикет для убийц и влюбленных» – превосходный детектив и обаятельная романтическая история, в которой пренебрежение хорошими манерами – преступление куда более страшное, чем убийство.

Содержание

Пролог	8
Глава 1	10
Глава 2	33
Глава 3	59
Глава 4	81
Глава 5	98
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Анна Фицджеральд Хили

Этикет для убийц и влюбленных

Etiquette For Lovers And Killers by Anna Fitzgerald
Healy

Copyright © 2025 by Anna Fitzgerald Healy

Книга издана при содействии The Van Lear Agency

© Динара Селиверстова, перевод, 2026

© Андрей Бондаренко, оформление, макет, 2026

© «Фантом Пресс», издание, 2026

Дорогой читатель,

Я искала книгу, которая сбила бы меня с ног. Нечто сексуальное, забавное, темное, причудливое и таинственное. Может, чуть-чуть старомодное. Немного странное. Однажды, возвращаясь из книжного магазина, я то и дело поглядывала на мрачный триллер и исторический роман. И мечтала – вот бы это была одна книга, а не две.

Под шум дождя, стучавшего в стрельчатое окно моей спальни, я свернулась калачиком, чтобы почитать. Я задремала над тайнами Патриции Хайсмит и романом Джейн Остен, и мне снились шторма, обрушивающиеся на дом бабушки и дедушки в Истпорте, штат Мэн. Солоноватый, мшистый запах места, застывшего во времени. И во сне я начала слагать свою историю

– тот самый роман, который никогда не попадался мне в книжных магазинах. Проснувшись, я попыталась восстановить все в памяти.

Эта история, что разворачивается в ветхом домике моих бабушки и дедушки в шестидесятые годы, следует за Билли по дебрям и продуваемым ветрами островам моего детства. Роман «Этикет для убийц и влюбленных» похож на слегка безумного незнакомца, высокого и мрачного. Сообщника в преступлении для всех девушек, которые в книжном магазине разрываются между кровавым триллером и романтической комедией. Потому что, в конце концов, можем же мы получить и то и другое?

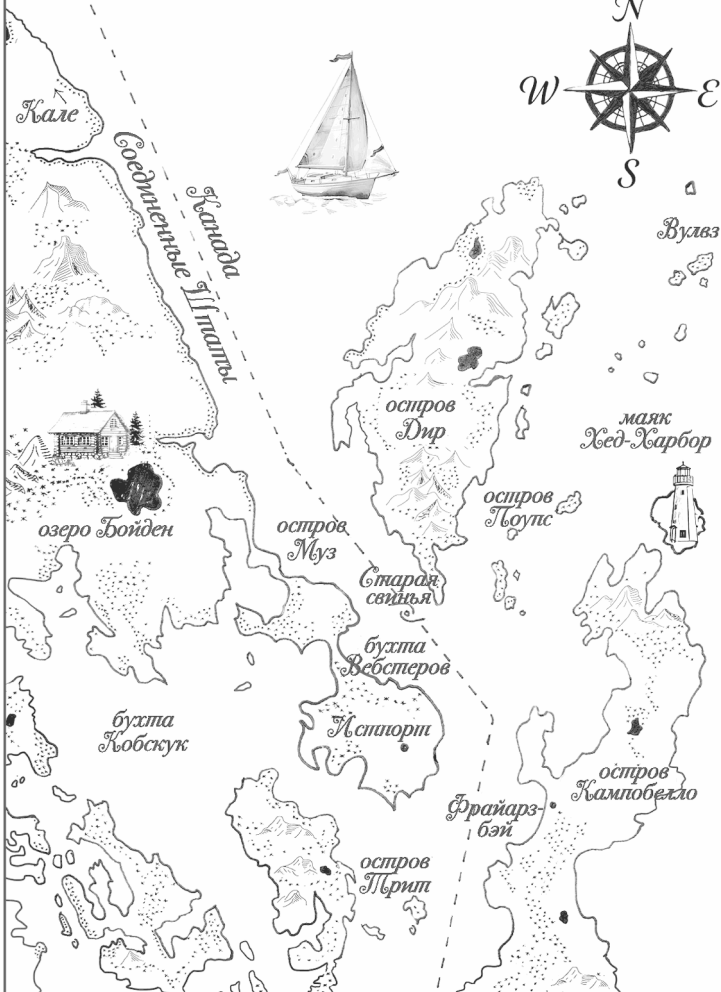
Посвящается моей семье

Мне остается только уверить вас самым пламенным образом в необыкновенной силе моей привязанности¹.

Джейн Остен, «Гордость и предубеждение»

¹ Перевод И. С. Маршака.

Залив Пассамакводди

Пролог

Частности

Шептаться – это грубо. В приличном обществе не подобает шептаться, а также хихикать.

От огня остается одинокий язычок пламени, мечущийся среди золы. По потолку пляшут тени. Они выются вокруг друг друга и отшатываются, точно несмелые любовники.

– Расскажешь мне кое-что? – спрашивает он. Голос у него глубокий, заговорщицкий, палец обводит линии ее ребер.

Ее длинные рыжие волосы рассыпаны по подушке.

– Что угодно, – шепчет она. – Только не обещаю, что скажу правду.

– Гертруда, просто развеяй мои сомнения. С кем еще ты спишь?

– Со всеми, – хихикает она.

Ее смех тонет в бархатной драпировке и парчовых подушках, придавленный тяжелой элегантностью комнаты. Таково свойство старинного тугого кошелька: он прячет все. Вбирает в себя, заглатывает уродливую правду и непристойную ложь, грубые поцелуи и холодные объятия.

– А теперь моя очередь. Выкладывай свой постыдный секрет. Самое худшее, что ты сделал или чего бы тебе хотелось? – спрашивает она, вглядываясь в его искаженное от

ревности лицо.

– Убить тебя, – отвечает он, а потом стискивает ее запястья и прижимает их к изголовью кровати.

– Как я люблю твои грязные разговорчики. А почему?

– Потому что они звучат забавно. – Его язык скользит по ее шее.

– Дорогуша, ты хоть знаешь, что означает это слово?

Она снова заливается смехом, и на этот раз ни тканые gobelены, ни высокие потолки с лепным узором не могут его заглушить.

Глава 1

Правила при знакомстве

Когда мужчину представляют леди, он не должен первым протягивать ей руку. Вполне достаточно обыденного «Здравствуйте». Непринужденное «Приятно познакомиться» мило, но не обязательно.

Я сворачиваю влево на Си-стрит, иду мимо библиотеки, аптеки и дедушкиного судоремонтного магазина, давно видавшего лучшие времена. Женщина из химчистки машет мне рукой. Она переходит от двери к двери с корзиной, полной отутюженных скатертей, все – с вышитыми на уголке метками. Заходит к Мюриэль Грант и оставляет вещи в прихожей. У нас не запирают дверей.

У нас – в Истпорте, штат Мэн – нет преступлений. В смысле, настоящих.

И секретов у нас нет. По крайней мере, таких, о которых помалкивают.

Катит молочный фургон с Затерянных ферм, Лео Миллс за рулем жует соломинку. Я замечаю, как он, увидев знак «стоп», ухмыляется – и поддает газу.

Да, и правила движения у нас – скорее не законы, а советы.

Я шагаю дальше по Уотер-стрит, застроенной домишками

красного кирпича, мимо бронзовой русалки с ржавым лифчиком-ракушкой. Истпорт – самый восточный уголок Соединенных Штатов, последний оплот новоанглийского китча, который с тоской смотрит на Канаду, отделенную от него заливом. В восемнадцатом веке это был Дикий Восток, пограничное поселение пионеров и торговцев. В девятнадцатом – главный узел контрабанды. В веке двадцатом город сделался центром производства рыбных консервов, а к 1964 году обратился в чистилище. Заводы сардин позакрывались, а человеческое население теперь проигрывает популяции чаек со счетом один к десяти.

Под звон колокольчика я влетаю в «Починку и отделку». У миссис Придмор за кассой от возмущения даже рюши на блузке дрожат: она в шоке от моего опоздания на целых пять минут.

– Извините, пожалуйста!

Я хлопаю ресницами, но получается неубедительно. Закидываю сумку на вешалку – и за работу. Выглядываю из своего уголка за розовым «Зингером» – что там с графиком? Половина десятого отмечена цветом индиго – Бен Джордан принес разорванный комбинезон. Десять – жемчужно-белым нарядом Лидии Пейтон для первого причастия. Десять тридцать – страшными зелеными кружевами для Энни Портер на шестнадцатилетие (она в них смахивает на пережравшего павлина, но ей же об этом не скажешь!). А в одиннадцать мою жизнь превращает в ад Флоренс Пеллетье. Тре-

тъя примерка черного коктейльного платья за неделю! Тычет мне в лицо кринолин в шестнадцать слоев – придушила бы.

– Может, тут прибавить? – Флоренс надувает губы и виляет бедрами, следя, как покачиваются нижние юбки.

В моде Истпорт отстает от остального человечества на добрый десяток лет, и ни стройный силуэт, ни заниженная талия до нас еще не добрались. Так и кукуем в пятидесятых.

– В эти выходные я хочу произвести фурор в Вебстер-коттедже².

– У курортников вечеринка? – Голос у меня неестественно звонкий, губы складываются в подобие улыбки, и я втыкаю булавку в ткань. – Флоренс, ты там всех на лопатки уложишь!

Миссис Придмор из-за кассы следит за моими актерскими потугами. Едва Флоренс выметается за дверь, она тотчас накидывается на меня:

– Ты можешь хотя бы изобразить любезность?

– Я стараюсь.

Это правда. Для меня светские разговоры – как кость поперек горла.

– Получше старайся! Обслуживание с улыбкой, вот наш девиз, Билли! – И она демонстрирует злобещий оскал.

В полдень миссис Придмор уединяется в подсобке для

² Коттедж (сущ.) – простой дом, часто расположенный на берегу озера или на морском побережье. Слово происходит от старофранцузского *cote*, «хижина», заимствовано из древненорвежского *cot*, «изба». – *Здесь и далее, если не указано иное, примеч. автора.*

ежедневного ритуала – сэндвича под мыльную оперу, – а я отправляюсь по своим делам. Первая остановка – библиотека. Я озираюсь по сторонам, выкладываю на стойку потрепанную книжку «Шпион в обители любви» и удираю, пока меня не застукали за таким позором. Вторая остановка – аптека Ферналда, надо купить средство для волос.

– Что, шесть недель прошло? – спрашивает Бобби Ферналд, отпуская краску «Застенчивая фиалка», которую моя бабушка покупает с четкостью часового механизма.

– В самом деле? – Я смеюсь – по мне, так целая вечность пролетела.

Теперь на почту. Поскрипывая ботинками по линолеуму, я подхожу к своему ящику «до востребования». Внутри два конверта.

В детстве я мечтала работать в музее. Грезил о просторных мраморных залах, где в лучах света кружится пыль, о том, как буду кокетничать с археологами, пока те собирают скелеты динозавров. Летят на пол вязаные жилеты, задвигаются в шкафы хранилищ каменные таблички, и мы неистово ласкаем друг друга в галерее декоративных искусств. С этими бреднями в голове я подалась на курс лингвокультурологии. Думала, стану переводчиком древних текстов, выйду замуж за ученого не от мира сего и проживу свои дни, утопая в роскоши. Но оказалось, что древние языки никому не нужны. И теперь меня убивают бесконечные отказы от музеев по всей стране.

Я кисло разглядываю первый конверт: из Тритонского архива античной литературы, адресовано мисс Вильгельмине Маккейди. Такое официальное обращение всегда сулит неприятности – значит, отправитель ничего не знает обо мне. Пробегаю глазами письмо с вежливым, но жестким отказом, комкаю и отправляю в мусорную корзину. А потом берусь за другой конверт.

Тонкий. Как все письма с отказом. Даже мое имя не указано, только номер почтового ящика. Два штампа. Необычно, хотя это не спасает конверт от моего гнева. Нет ни одной причины вскрывать его, я и так знаю, что там. Рука тянется к мусорке.

– Билли! – Мистер Таунсенд высовывается из окошка, и я поспешно запихиваю конверт в сумку. Ненавижу вышвыривать нераспечатанную корреспонденцию на глазах у почтальона, это же оскорбление мундира! – Тут для тебя гуава!

Он сияет, седые волосы блестят в свете флуоресцентной лампы. Мистер Таунсенд регулярно балует меня какой-нибудь экзотикой. Думаю, это потому что он видит, как я всякий раз расстраиваюсь, просматривая почту, и гуава – утешительный приз. Я благодарю его и иду дальше.

Цветочный рынок утопает в пионах, в пекарне Минго толпятся студенты, все в крошках от печенья. Я миную пушки времен войны 1812 года, протискиваюсь мимо Лео Миллса – тот тащит ящик с бутылками молока. Из окон парикмахерской «Приморский салон» меня провожает взглядами целая

армия домохозяек, они точат коготки и накручивают на головах «пчелиные ульи» в предвкушении вечерней пирушки. Чем ближе к набережной, тем ощутимее дыхание бриза, но я не замечаю его. Для меня это запах дома. С военного корабля, прибывшего на заправку, раздается пронзительный гу-док.

Спустившись на волнорез, шагаю вдоль гранитных глыб, вгрызаясь в гуаву и обводя взглядом залив Пассамакводди. На рыболовецких судах вытягивают сети, тюлени нежатся на мелководе, а я устраиваюсь на краешке согретого солнцем камня. Черт, вся перемазалась во фруктовом соке. Вытираю руки о юбку и лезу в сумку.

Конверт из тонкой бумаги, белый, словно яичная скорлупа. Никакого обратного адреса, только аккуратно выведенный номер моего ящика. Сзади – сургучная печать, которую я с хрустом ломаю.

Моя дражайшая Гертруда,

Что в человеческой природе побуждает нас разрушать совершенство? Совершенны: твои губы. Совершенны: твои нежные руки. Совершенны: твои рыжие волосы, сияющие на солнце. Всю жизнь я мечтал встретить такую, как ты, – элегантную до невозможности, волевою и дьявольски хитрую.

Никогда я не изведывал такого блаженства, как в те выходные на Бермудах. Помнишь, как отключилось электричество и ты расставила по номеру зажженные свечи? Изгибы твоего тела в их мерцающем свете я

сохраню в памяти до конца своих дней. Мы спустились на пляж и занялись любовью в море. Блеск луны на воде мерк по сравнению с тобой.

Тогда ты, наверное, уже знала, что я установил за тобой слежку. Я должен извиниться, ведь нанять детектива – это было так по-детски. Какой гнев охватил меня, когда он позвонил и сообщил, что ты встречаешься с бывшим! Мир вокруг меня рухнул. Я утопил горе в спиртном и погубил все. Ты видела след от помады на моем лацкане. Ты знаешь, как низко я пал.

С каким отчаянием я узнал, что ты встретила с ним лишь для того, чтобы вернуть кольцо! Я потерял единственное единственную, которая что-то значила для меня. Дорогая, моя жизнь пуста без тебя. Я готов сделать что угодно, лишь бы все исправить. Если у тебя хватит сил меня простить, я стану счастливейшим человеком на земле. Но если нет – нам двоим нет места в этом мире. Я могу решиться на отчаянный поступок.

Со всей страстью твоей,
Эдгар

Когда я пробегаю выведенные четким наклонным почерком строки, у меня падает челюсть. Как называется смесь смущения и восторга? Существует ли такое слово вообще? Я в жизни не была так ошарашена и заинтригована. Что за Гертруда? Кто такой Эдгар? И как это письмо занесло в мой почтовый ящик? А я его чуть не выкинула!

Волны одна за другой накатывают на камень. Я теряюсь в догадках. Странное дело – уголки глаз влажны от слез. В

глубине души я всегда надеялась, что со мной приключится что-нибудь необычное. Письмо пылкое, безыскусное – и оно будит во мне любопытство. Эта пара словно сошла со страниц тех романов, которые я глотаю вечерами. Я запикиваю листки обратно в конверт, и на колени мне выпадает что-то маленькое. Опускаю глаза. В складках плиссированной юбки сверкает золотое обручальное кольцо. По свитеру скачут солнечные зайчики от бриллианта с огранкой «принцесса». Глазам не верю. Это у меня от скуки галлюцинации начались?

– Привет! – раздается приятный голос.

Я неуверенно улыбаюсь молодому человеку, что уселся на камне всего в полуметре от меня.

– Только не это, – бормочу я, торопливо пряча в сумку письмо и кольцо.

Курортник. Я всеми силами стараюсь держаться от них подальше. Чертовы снобы, у которых больше денег, чем хороших манер. Появляются с июньской сиренью и исчезают с августовской жарой. Порой я вижу краем глаза этих золотых божков – они разъезжают в сверкающих авто, сгребают бутылки мартини и арбузы в магазинах, крутят штурвалы яхт, создавая столпотворение в бухте.

– Чем могу быть полезна?

Хоть бы убрался восвояси.

Выглядит он как модель «Брукс бразерс» – иронически изогнутая бровь, ленивая улыбка. В волосах песочного цвета

пробиваются серебристые нити, посверкивающие на солнце. Прическа слегка растрепана, и это единственное, что нарушает безупречность его облика. Маленькая родинка под левым глазом – признак артистической натуры. Высокий (хотя будем откровенны: рядом со мной кто угодно покажется рослым), с рельефными скулами. В серых с крапинками глазах играет улыбка.

– Почему мы с вами раньше не разговаривали? – С таким голосом впору управлять целевыми фондами или командами гребцов.

Действительно, мы много раз встречались глазами, но ни один не сделал шаг через ту сословную пропасть, которая нас разделяет. Такому в лодочных клубах не учат.

– Потому что жизнь чересчур коротка для разговоров с привлекательными незнакомцами? – Я пожимаю плечами. – Вдруг вы окажетесь занудой. Лучше остаться в мире фантазий.

– То есть я уже нагнал на вас скуку? Быстро!

– Я представляла вас более остроумным. – Поразительно, как легко колкость срывается с языка. И это вместо смущенного лепета. Наверное, напористый тон письма на меня так подействовал.

– Мои извинения, мисс... – Незнакомец выжидательно смотрит на меня.

– Вильгельмина... То есть Билли. – Протягиваю было руку, но спохватываюсь, что перемазалась соком.

– А я Эйвери, – отзывается он с ухмылкой.

Фамилию не добавляет, и в этом нет необходимости. Блестящая медная табличка с буквой «В», украшающая ворота Вебстер-коттеджа, могла быть пришита к его широким брюкам или коричневому кожаному ремешку часов.

– О нет! – Я в панике смотрю на циферблат. – Который час?

– Начало шестого. – Он снова усмехается, поняв, что сейчас начнется.

– Превосходно. Я опоздала на работу.

– Какой скандал! – В его глазах пляшут веселые искорки. – Может, мне тебя проводить?

– Не надо, пожалуйста. Мне лишь этого не хватало, – огрызаюсь я и тут же кошусь на него – не обиделся? Сарказм в Истпорте не в ходу, лучше не перегибать палку.

Но он и ухом не ведет.

– Рад, что с самого начала произвел идеальное впечатление.

Мы взбираемся обратно на набережную, и я задумываюсь над первым впечатлением. Недаром говорят, что в тихом омуте черти водятся. Я только с виду застенчивая, а по меркам нашего благодушного городка язык у меня чересчур острый. Потому я, как правило, помалкиваю. С другой стороны, сколько лет я мечтала о встрече с кем-то, кто тоже не рассыпается в сиропных любезностях.

На обратном пути нам кивают, улыбаются, кое-кто при-

поднимает бровь. Но все смотрят на Эйвери, а не на меня. Мною никого не удивишь, зато Эйвери – это ходячая колонка светской хроники в ореоле чековых книжек. На повороте к Уотер-стрит мы встречаем Лео Миллса с пустой корзиной из-под бутылок. Он подносит руку к своей белой кепке в знак приветствия. Марша Кримп застывает возле банка и сверлит меня взглядом поверх солнечных очков, я даже на расстоянии чувствую ее ревность.

Эйвери делает вид, что ничего не замечает.

– Где ты работаешь?

– В аду. В ателье то есть, – ворчу я.

Кокетливая вывеска «Починка и отделка» уже маячит впереди. Чем ближе этот ядовито-розовый козырек, тем тяжелее мне переставлять ноги. Хоть вовсе туда не заходи.

Из хозяйственного магазина тянет свежей краской. Эйвери останавливается.

– Если принять за единицу измерения созерцание вывески хозмага, насколько унылой ты сочтешь нашу беседу?

Я пошире распахиваю глаза:

– А чем тебе хозмаг не угодил?

– Но все же, не посоветуешь ли более подходящие места для разговора?

– Навряд ли я тебе по карману. Я закончила лингвистический колледж и ценюсь чертовски высоко. – И я указываю на ателье, в окне которого миссис Придмор выразительно постукивает по часам: – Сам видишь.

– Что ж, сегодняшняя встреча была неожиданно приятной, Билли. Возможно, я как-нибудь еще позанудствую.

И он уходит, кивнув на прощанье, а я ныряю в прохладные глубины ателье. За «Зингер» я сажусь со странным ощущением – будто что-то трепыхается в груди. Ладони влажные, но это наверняка из-за летней жары. Я принимаюсь за работу, и сердце пропускает удар. Ну это просто из-за стука швейной машинки.

В шесть часов я закрепляю шов и выключаю машинку. На улице царит оживление, и я сторонкой обхожу и стайку домохозяек возле мясной лавки, и рыбаков, толпящихся у «Пересохшего кита», и компанию плетущихся нога за ногу куда-то туристов. Сезон отпусков у любителей с апломбом поесть омаров едва набирает обороты.

Заглядываю в магазин Суоннов, и Айрис Суонн вскидывает чересчур уж выщипанную бровку, доставая для меня бутылку «Блю нан». Я открываю было рот, чтобы объяснить, зачем мне вино, а то и свалить все на бабушку, но передумываю. Айрис окидывает меня взглядом, и я представляю, что она видит. Бледная девица в простенькой светлой кофточке, чересчур худая, с волосами мышиного цвета. Нос-кнопочка, невыразительные скулы, губы, которые никто никогда по-настоящему не целовал. И я закусываю эти губы, отгоняя чувство неприкаянности.

Но есть кое-что, чего Айрис Суонн не видит, – письмо в моей сумке. Поэтому я вскидываю голову, прошу записать

бутылку на мой счет и выхожу как можно более горделиво. Впервые в жизни у меня есть секрет.

Закатные лучи окрашивают Кей-стрит в цвет яблоневых лепестков, освещая мощеные тротуары и ступени дедушкиного дома. Под шелест рододендронов я вхожу в заднюю дверь и, очутившись на кухне, будто попадаю в огромную банку куриной лапши «Кэмпбелл». Стены выкрашены именно в такой темно-желтый цвет, и все здесь полезное и полное ностальгических воспоминаний.

По черно-белому телевизору показывают бейсбольный матч, в воздухе висит запах майонеза и рыбы.

– Паста с тунцом на плите, – сообщает дедушка, но я уже поднимаюсь наверх.

Дом постанывает и вздыхает – пыльное фамильное наследие, давно отжившее лучшие годы. Чудное слово – «дом»³, верно? Должно обозначать объект, который принадлежит тебе, но на деле это скорее место, которому принадлежишь ты.

– Билли, иди сюда! – зовет бабушка.

– После занятий! – отзываюсь я.

Никаких занятий у меня нет. Сейчас июнь, и колледж я

³ Дом (сущ.) – 1. Место проживания кого-либо. 2. Социальная ячейка, сформированная семьей. Английское слово *home* происходит от староанглийского *ham* и прагерманского *haimaz*, восходит к праиндоевропейскому корню *tkei* («оседать», «расслабляться», «обитать»). Праиндоевропейский язык существовал около 6000 лет назад, зона его распространения охватывала Европу и Азию, корни отслеживаются в латыни, санскрите и фарси. Я изучала его в колледже, и это мой личный язык любви.

окончила четыре года назад, но Грейс не спорит. Может, она даже не в курсе, какой сейчас год.

Я закрываю дверь своей спальни и включаю проигрыватель. Мысли несутся вскачь под мелодию «Битлз». Я хмуро смотрю на отслаивающиеся цветочные обои, выцветшие до тусклого бежевого оттенка. Такого же цвета мое смятое постельное белье, и слегка покосившийся книжный шкаф, и выгоревшие на солнце книжки в бумажных обложках. Слова в них – единственное, что есть не поблекшего в моей комнате. Слова полны красок и страсти. Слова придают блеск интриги вращающемуся диску розового телефонного аппарата. Кладут блик похоти на вышитую салфетку под ним. Оставляют шпионский след на пишущей машинке «Корона» цвета слоновой кости.

Героини этих книг – мои подруги и сообщницы, вечные наставницы и в поведении, и в сердечных делах. Я хотела, повзрослев, стать похожей на них. Но годы шли, мой список светских событий пустовал, никто ко мне не прикасался, и до меня постепенно доходило, что не все мечты сбываются. И что я не проснусь однажды утром красавицей из романа Бронте, поскольку от Истпорта до Грозового перевала – как до луны.

Но сегодня вечером все по-другому.

Под песню «Обними меня крепко» я достаю штопор из ящика комода. Мягко журчит дешевое вино, переливаясь в стакан из цветного стекла. Под гитарные переборы я делаю

глоток за глотком и разглядываю письмо. Вывожу подпись Эдгара в своем дневнике, примеряю кольцо Гертруды. Оно мне *в пору!*

Растягиваюсь на кровати и поднимаю руку к свету. Бриллиант безвкусный, конечно, да и розовое золото давно не в моде, но... почему-то оно подходит мне. Это такая же позволительная чушь, как и романы на моей книжной полке. Еще глоток – и я, сооротив невинные глазки, люблюсь его блеском под «Я хочу держать тебя за руку», воркующее в динамиках.

Струйки дождя просачиваются под оконную раму, и капли стучат по подгнившей половице. Я просыпаюсь на влажной подушке и мотаю головой, стряхивая ночной кошмар. Мои родители, Чарльз и Лора Маккейди, погибли в автокатастрофе два года назад, и с тех пор меня мучают сновидения, достойные кисти Дали. Туманные мысли об утрате не отстают еще долгое время после того, как я чищу зубы, умываюсь и журю подсознание за дурной вкус.

Я распахиваю окно и моргаю, чтобы отогнать видения. Прилипчивые кошмары – это проблема. Возможно, из-за них я до сих пор живу у бабушки с дедушкой и уж точно по этой причине никак не найду нормальную работу. Смерть родителей остановила мое развитие на каком-то значимом этапе, и я не двигаюсь дальше. Не желаю идти вперед, не могу отступить назад. Я вдыхаю пряную свежесть дождя и кашляю, уловив более прозаический запах бекона.

Я заглядываю в комнату Грейс. На экране телевизора пре-

пираются Люсиль Болл и Деси Арнас. Болл нарядилась наподобие корзинки с фруктами, Деси одет в костюм, а бабушка в своем цветастом халате, сидя на покрывале с пионами, вылитый розовый куст. Кожа у нее бледная, как бумажная салфетка, а волосы аккуратно уложены. Странное дело: она всегда тщательно причесывается, хотя никогда не выходит из дома. На заре своей молодости Грейс Маккейди слыла украшением Истпорта, штат Мэн, и даже знаменитости оказывали ей знаки внимания. Но вот на коже пролегли морщины, в волосах заблестели седые нити, и она стала тратить все больше времени, чтобы «навести красоту». Когда умер мой отец, Грейс затворилась в своей комнате и больше оттуда не выходила. Она прихорашивается, подкрашивается и прячет скорбь по сыну под слоями персиковой пудры.

– Ты принесла мою...

– Специальная доставка! – Я бросаю на кровать упаковку «Застенчивой фиалки» и следую на кухню, на запах сала.

Виктор сидит в капитанском кресле из искусственной кожи. Волосы его белы, как манная каша, а на губах неизменная отстраненная улыбка. Рядом стоит портативный радиоприемник, и он крутит колесико в поисках полицейского канала. Сам дедушка не коп, ему просто любопытно.

– Как вчера на работе? – спрашивает он. – Тодд Кинни сказал, что видел тебя с...

– Да так себе.

Прихватив кусок бекона, я удираю, пока мне не учинили

допрос.

Запихиваю в сумку книги и пляжное полотенце, натягиваю платье поверх купальника. Сегодня выходной, и я делаю вид, будто моя жизнь вовсе не похожа на рекламу для домохозяек. Пристраиваю вещи в велосипедную корзину и пускаюсь в бег. На песчаных дюнах под колесами шуршат длинные стебли водорослей. Дурман в голове понемногу развеивается. Я еду мимо железнодорожной станции, горчичной мельницы, лодочной верфи. Замедляю ход, чтобы взглянуть на Вебстер-коттедж, там как раз образовалась пробка. Флорист и сотрудник химчистки чествуют друг друга, высунувшись из своих грузовиков, а садовники так кромсают живую изгородь, будто от этого зависит их жизнь.

Недавно в «Нью-Йорк таймс» Истпорт окрестили «игровой площадкой побережья Мэна». В летнюю пору эта «жемчужина немногочисленного мирка в заливе Пассамакводди» привлекает и туристов в трейлерах, и международную элиту. В Восточном Мэне можно созерцать все разнообразие социального неравенства: рыбаки ютятся в домах на колесах, а всякие Вандербильты нежатся в роскошных особняках. Здесь, на острове Муз, живут Вебстеры (владельцы судостроительной империи, хотя я представляю, будто они – магнаты, хозяева знаменитого словаря). Неподалеку, в Кампобелло, сияет в солнечных лучах имение Эшкрофтов, а на противоположной стороне острова раскинулась усадьба Рузвельтов. Летние дома Рокфеллеров, Пулитцеров и Фордов сто-

ят дальше, в Бар-Харбор, где Эвелин Маклин выгуливала по главной улице пуделя с алмазом Хоупа, болтающимся на ошейнике. Мэн – это собрание американских династий, где имена увенчаны римскими цифрами, а их хозяева в жизни не держали в руках ни метлы, ни тряпки для пыли. Они – богачи и те, кто еще богаче.

Вебстер-коттедж обгоняет в рейтинге радиоспектакли, и этим шоу мы наслаждаемся из года в год. То, затаив дыхание, следим, как пекарь выгружает из фургона слоеные пироги для вечеринки в саду, то, наморщив лбы, озадаченно читаем статьи вроде «Вебстеры говорят „нет“ белым жалюзи» (это местная газета «Кводди каррент» просвещает низшие слои общества). Столько лет подглядывать за этим семейством и вдруг столкнуться с одним из них, как вчера, – это примерно как встретить Джеймса Дина. Увы, как и в случае с Джеймсом Дином, у меня нет никаких шансов.

К тому времени, как я съезжаю с моста, облака расходятся. Солнце пригревает все сильнее, когда я сворачиваю к озеру Бойден. Вдоль берега стоят бревенчатые домики, мы в Мэне называем их «хижины». У родителей был такой во времена моего детства. Родителей больше нет, но я все равно навещаю сюда в память о них. И влезаю в чужие владения.

Я проезжаю мимо нескольких занятых домиков и наконец нахожу кое-что подходящее. Весельная лодка рассохлась, дорожка для спуска на воду засыпана прелыми листья-

ми, по всему саду валяются водоросли. Под ногами лопаются ягоды можжевельника, одичавшая морковь щекочет голени, пока я пробираюсь на причал, чтобы позагорать.

Я расстилаю на выцветших досках полосатое полотенце и растягиваюсь на нем. Сквозь еловые лапы над головой пробивается солнце. У японцев для этого есть специальное слово: *komorebi*. Тишину нарушают лишь постукивания дятла да арии цикад. Я достаю потрепанное издание «Нортенгерского аббатства». Сверяю отдельные слова с этимологическим справочником. В эпоху Регентства существовали особые обозначения для «прыжков» и «самовлюбленного щеголя». Главной героине впору позавидовать: живет себе в мире бесконечных балов, красавцев и капризов. Я откладываю готический роман и берусь за другой повод для зависти.

Моя дражайшая Гертруда.

Прищурившись, разглядываю любовное письмо. Вот бы у меня было такое. Чтобы кто-то хранил в памяти изгибы моего тела. Занимался со мною любовью при лунном свете. Но для этого же надо куда-то выходить, с кем-то встречаться – хлопот не оберешься.

Дорогая, моя жизнь пуста без тебя.

Кто такая Гертруда? Ясно, что прожженная кокетка. Настолько дурит мужчинам головы, что те не могут даже правильно написать адрес на конверте. Я представляю себе ее записную книжечку с перечнем любовников и всяких мелких шалостей, а потом поднимаюсь и ныряю в холодную тем-

ную воду.

Пятница – самый долгий день в году, да еще и заказов столько, что работе не видно конца. В довершение всего миссис Придмор устраивает пытку джазом, гоняя одну и ту же пластинку Ната Кинга Коула. Флоренс забегает за своим платьем. Выглядит она прямо как крестная фея из «Золушки»: сияющая улыбка, тщательно уложенные белокурые локоны. И я рядом с ней – словно девочка-замарашка: подол утыкан булавками, на шее болтается сантиметр, волосы всклокочены, как воронье гнездо.

– Заинька, я слышала, ты увлеклась кем-то из Вебстеров! – мурлычет она, отодвинув плиссированную юбку, над которой я работаю, и усаживаясь на край моего стола. – Поосторожнее! Эти мальчишки играют в высшей лиге, а ты была с низшего уровня.

– Флоренс, по-моему, с низшего уровня выбывать некуда.

– Тсс! – Она вскидывает бледно-розовый пальчик, и песня «Эти ленивые туманные сумасшедшие дни лета» на проигрывателе становится громче. – Я знаю, о чем говорю.

После чего закидывает на плечо сумку с платьем и покидает ателье, поскрипывая кедами.

Миссис Придмор уходит по делам, а я выключаю проигрыватель. Пусть «Нортенгерское аббатство» станет моим союзником в молчаливом бунте. Входная дверь распахивается, я отрываю взгляд от книги и вижу на пороге Эйвери.

– Попалась! – ухмыляется он.

– Интересуешься коктейльными платьями? – осведомляюсь я.

– Платьями – нет, а коктейлями – другое дело. Как раз хотел пригласить тебя на вечер. – Эйвери проходит по паркетному полу и кладет карточку возле подушечки для булавок. Приглашение написано на перламутрово-белой бумаге с вытисненными омарами и бокалами для шампанского. На обороте водяной знак – фамильный герб Вебстеров.

*От всего сердца приглашаем Вас на
ПРАЗДНИК
ЛЕТНЕГО
СОЛНЦЕСТОЯНИЯ
в Вебстер-коттедже
19 июня 1964 года.
Присоединяйтесь к нам на песке у прибоя,
Там, где земля встречается с морем.*

– Какая жалость! Меня на вечер уже в *другой* особняк пригласили.

– Это в какой? – требовательно спрашивает Эйвери. – Давай сюда адрес. Я его сожгу.

– Не надо, пожалуйста! – Я делаю большие глаза. – Поджог – это очень серьезное преступление!

Но он только усмехается.

– До вечера!

Кивает – и выходит за дверь.

Идти или нет? Я подхожу к вешалке и перебираю платья

минувшего сезона. Всегда мечтала побывать на вечеринке для избранных! Это была самая любимая из моих фантазий: пышный балльный наряд, крошечные канapé и пылкая встреча с принцем в дамской комнате.

В детстве мама вечерами обучала меня этикету⁴, забивая мне голову далекими от реальности представлениями о камербандах и сервировке на двенадцать персон. «Вежливость открывает двери, Билли. А я хочу, чтобы перед тобой был открыт весь мир». Однако до сих пор знание разницы между вилок для фруктов и вилок для морепродуктов не отворило передо мной те двери, на которые я надеялась. Мама посоветовала бы купить блестящее голубое платье, которое мне не по карману. И пойти на праздник. И сразить там всех наповал.

Но я не она и никогда ею не стану. И воображать роскошный бал – совсем не то же самое, что на него отправиться. Я создана для того, чтобы вляпываться в неприятности. И вечер мне следует коротать, свернувшись калачиком со словарем Мерриам-Вебстера, а не вести светские беседы на приеме у Эйвери Вебстера. Каким бы впечатляющим ни был спи-

⁴ Этикет (сущ.) – по определению Эми Вандербильт, «это устрашающе звучащее слово означает систему правил поведения в обществе. Буквальное значение слова – „билет“ или „карточка“. Оно отсылает нас к древним традициям и церемониям, которых надлежало придерживаться при монаршем дворе. Сам термин происходит от старофранцузского *estiquette* – „маленькая записка“». Поэтому можно считать, что этикет – это любовное послание цивилизованному поведению.

сок его гостей, вряд ли туда затесались особы королевской крови. Очень надо тащиться на праздник, если там нет ни одного принца, с которым можно пофлиртовать в дамской комнате.

Глава 2

Как устраивать вечеринки в саду

Чем выше степень официальности мероприятия, тем совершеннее оно должно быть организовано, однако неотъемлемые его составляющие – близкие по духу гости; идеально составленное меню; безукоризненно выглаженная скатерть; начищенное до блеска серебро; опытная прислуга; радушный хозяин; тактичная, чуткая, сдержанная хозяйка с превосходными манерами.

Над заливом Пассамакводди сегодня предсказуемо тихо. Не слышно ни куликов, ни сверчков, словно даже они замерли в ожидании, когда же поднимется занавес. Трели кларнета, пение трубы. Предвкушение веселья и звона бокалов. Сердце колотится. Вот-вот начнется шоу.

В сгущающихся сумерках я припарковываю «бьюик» напротив ворот Вебстер-коттеджа. Захлопываю дверцу, в тысячный раз поправляю волосы. Весь вечер застенчивость во мне боролась с любопытством – и проиграла. Так что я купила платье, сделала прическу и стащила дедушкину машину. Пообещала себе, что загляну туда всего на часок. Выпью шампанского, поглазею на дом и улизну прежде, чем сломаю что-нибудь ценное.

Мои скромные каблучки торопливо цокают по асфальту,

потом по мощеной дорожке, сбиваются с ритма возле куста, выстриженного в форме собаки, и наконец застывают, когда впереди возникает особняк из красного кирпича. Вебстер-коттедж выстроен в стиле георгианского возрождения – черепичная крыша, золотые листья на фронте. Если верить местным сплетням, то в элегантном особняке четырнадцать спален, зимний сад, отдельные библиотеки для книг и для карт и люстра из кристаллов Сваровски. Гараж размерами напоминает Тадж-Махал, передний двор украшает беседка, а в глубину сада уводит аллея из итальянских кипарисов. Их за баснословные деньги привез сюда дедушка Эйвери. Мой дедушка особенно любит эту часть Вебстер-коттеджа. «Да, Билли, это очень по-французски и потому очень элегантно», – говаривал Виктор не раз.

Темно-синий ковер тянется меж двух мраморных колонн с каннелюрами к высокой двери, украшенной цветочным орнаментом. По обе стороны от нее стоят на страже двое мужчин в яхтенных туфлях и костюмах из бежевого льна, от них веет сдержанным превосходством. Я осторожно ставлю ногу на первую ступеньку. Сейчас завершит сигнализация, и никуда меня не пустят.

То, что я училась в хорошем колледже, никого не интересует. Образованность сто лет как вышла из моды. Можно жить в одном городе, но что толку от такого соседства, если мы принадлежим разным мирам.

Точно кидаясь головой в омут, я делаю первый шаг. Пе-

реступаю через тонкую полоску пыли на ступеньках, получаю вялый кивок от одного из привратников и равнодушный взгляд от другого.

– Чем могу помочь? – спрашивает он.

Он все видит. Знает, что я чужак.

Но хватает одного взгляда на приглашение, чтобы меня пропустили в холл. На полу черно-белый мрамор, на столике (из белого мрамора) стоит серебряная ваза с элегантным букетом из кизила, вереска, львиного зева и магнолий. С обеих сторон наверх ведут широкие винтовые лестницы, соединяющиеся в бельэтаже и поднимающиеся дальше, к крыше. Под потолком сверкает тысячами кристаллов многоярусная люстра в стиле ампира. Изгибы лестниц в ее свете напоминают витую цепочку ДНК, и это символично: состоятельность у хозяев в крови.

Во всем Вебстер-коттедже не видно ни пятнышка – не такое это место, чтобы здесь к чему-то прикасались. Несмотря на июньское тепло, от интерьера веет прохладой. Все стерильно и дорого, как в роскошном супермаркете. Я озираюсь – и невольно проникаюсь сочувствием к Эйвери. Каково расти в доме, где нет ничего уютного и теплого?

Ко мне подходит господин средних лет. Все в его облике, от седого «помпадура» до геральдической лилии на кармане спортивного пиджака, говорит об образованности и респектабельности. Дворецкий (?) с поклоном протягивает бокал с оранжевого цвета шипучкой на сервировочном блюде.

– Позвольте предложить вам фамильный коктейль, – произносит он с глубочайшим достоинством. – Пунш «Умеренность».

От смеси шербета, лимончелло, джина и лаймовой газировки перехватывает дыхание.

– Едва ли его можно назвать очень умеренным! – возражаю я и тут же делаю второй глоток – надо же распробовать получше!

Дворецкий кивает:

– Полагаю, в этом вся соль.

Плитки черно-белого мраморного холла ведут в зимний сад. Аромат масла и морепродуктов манит меня к двустворчатым дверям, открывающимся наружу. Повара в пышных белых шапочках хлопочут над омарами, кипящими в кастрюлях, горничные мельтешат, словно черно-белые бабочки. Подрагивают на морском ветру десерты из многослойного желе. Официанты снуют по саду с блюдами, полными пряных крабовых котлеток, завитушек с анчоусами и сырных шариков, украшенных клюквой. Я разглядываю это все, потягивая пунш.

И нет, я не потрясена до глубины души канделябрами старого дуба. Или пирамидой из бокалов с шампанским, напоминающей карточный домик. Или запахом сирени, окутывающим сад. Я делаю глубокий вдох. В нашем северном краю сирень цветет всего две недели. Интересно, с праздником специально так подгадали или это совпадение? Пожилой

мужчина взбирается по лесенке, чтобы разлить по бокалам шампанское, и я усмехаюсь. Конечно, все точно рассчитано. Здесь на волю случая не полагаются.

– Заинька! – Флоренс летит на меня, и подол ее вечернего платья в стиле Грейс Келли развевается на ходу. Щеки так же красны, как и вино в ее бокале, а волосы уже не держатся в укладке. – Тебя сюда не звали! – И она с тревогой озирается по сторонам, будто боится, как бы ее не выставили со мной за компанию.

– Звали. Я приглашена, – возражаю я и беру шампанское вместо пустого бокала из-под «умеренного» коктейля.

Пожилой господин подмигивает мне.

– Билли, не лги, ты пробралась сюда тайком! Моему отцу пришлось *потянуть за ниточки*, чтобы нас внесли в список приглашенных, – шипит Флоренс и тащит меня к стайке женщин возле танцевальной площадки.

Дочурки местных торговцев, наследницы огромных капиталов теснятся вокруг нас, как сельди в бочке, благоухая морем и духами. Мюриэль о чем-то разглагольствует, Марша делает вид, будто слушает, а Венди Люю любит своим отражением в бокале. Если корчить из себя невинных овечек – искусство, то эти четверо достигли в нем небывалых высот. Нашебетавшись, красотки нашего городка поворачиваются и буравят меня ничего не выражающими взглядами. Ждут.

Я открываю рот. Мне теперь надо их развлекать?

Флоренс, ты просто красotka! Венди, тот саксофонист

с тебя глаз не сводит. Мюриэль, твой «пчелиный улей» – это бомба! Марша, давай начистоту, ты на диете?

Я должна быть приветливой с ними.

Но честно? Я скорее умру.

Я всю жизнь смотрю, как они грезят о рок-н-рольных вечеринках, о приемах с модной пластиковой посудой, но мои мечты не вмещаются в форму для выпечки. Я хочу большего. Духовного роста. Доверительного перешептывания с сомелье. Встреч с битниками в приглушенном свете художественных галерей. В жизни столько всего интересного! Столько таинственных кроличьих нор, куда хотелось бы провалиться! Но я помалкиваю, чтобы не смущать девчонок. Киваю, улыбаюсь, а сама надеюсь (отчаянно надеюсь!), что встречу родственную душу.

Может, я потому и провожу столько времени среди книг, что их героини не боятся кого-нибудь задеть или шокировать. Они не просят прощения за то, что не похожи на других, – они счастливы этим. Они всегда знают, что и как говорить. И после них мне очень не хватает в жизни больших возможностей для самореализации и остроумных бесед, потому что компания этих доморощенных королей в изгнании явно не для меня.

Так, спокойно.

Под насмешливыми взглядами четырех девиц я втягиваю воздух, будто какая-нибудь насквозь прокуренная старушенция. Еще мгновение неловкого молчания – и наконец я с вы-

мученной улыбкой бормочу: «Чрезвычайно приятно!» После чего убираюсь подальше от новых светских ловушек.

Сонный туман клубится над окаймленной дикими розами тропинкой, по которой я спускаюсь к пристани. С полдюжины лодок вяло покачиваются на волнах. Я смотрю на воду, вдыхая влажный воздух залива. Вокруг словно оживает картина какого-нибудь импрессиониста – издалека все видно отчетливо, а вблизи это не более чем густые мазки на холсте.

– Я должен извиниться за паршивую вечеринку.

Я оборачиваюсь навстречу Эйвери, который стоит под медным фонарем, подвешенным к столбу. Блики медового света ложатся на его бежевые брюки, серый блейзер и бокал пива, который он держит в руке.

– А, самый нудный парень в городе. – Я изображаю зевок. Вот теперь я снова в своей колее.

– Рад, что слава бежит впереди меня. – Эйвери откидывает волосы с лица. – Можно понадоедать тебе лодочной прогулкой?

– Раз тебе так хочется. – Я пожимаю плечами.

Эйвери ведет меня к длинному быстроходному катеру с отделкой из красного дерева, взбирается на нос и протягивает руку. Я передаю ему бокал, снимаю туфли и залезаю.

– Это «Хакер-Крафт Спортэбаут», – объясняет он, возвращая мне бокал.

Я босиком ступаю на прохладную палубу, покрытую ла-

ком.

– Отечественные деревянные лодки для спортивного рыболовства. Вроде той, которая была у Хэмингуэя...

– Прости, но мне пора домой мыть голову, – перебиваю я, усаживаясь на обитое кожей сиденье.

Эйвери смеется.

– Это отвращение к лодкам или к лауреатам Нобелевской премии?

– Скорее, к молодым людям, которые об этом говорят, – отвечаю я, отпивая шампанское.

Такое чувство, будто Эйвери пытается поразить меня своим катером, и совершенно напрасно, моя способность удивляться уже исчерпана. Под мягкий плеск волн я разглядываю своего спутника. Что нужно этому красавцу? Разве он не должен сейчас болтать с принцессой Люксембургской или моделью из «Вэнити фэйр»?

– Почему вдруг столько внимания ко мне? – спрашиваю я. – Потому что я не такая, как они? Потому что я здешняя?

– Да, и впрямь не такая, как они, но дело не в том, что ты отсюда. Если честно, я местных девиц на дух не переношу. Они... – Эйвери запинается в поисках подходящего слова, и я сдерживаюсь, чтобы не подсказать: скучные? расчетливые? глупые? – Унылые, – говорит он наконец. – И поверхностные.

– Такими их сделало окружение. Наш мир унылый и кургузый.

– Неправда. Он мал или велик настолько, насколько хочешь ты сам, – тихо говорит он, а лодка качается на волнах прибоя. – Все зависит от твоего восприятия.

Нет, я не очарована клубящимся вокруг туманом. И роскошной лодкой Эйвери. Или его приморской философией. Или слегка приоткрытыми губами, которые сейчас так близко ко мне. Вообще он – последнее, что меня волнует.

По крайней мере, это я внушаю себе, когда по всем правилам скрещиваю лодыжки и напускаю на себя чопорный вид.

– Вообще, ты меня разочаровал, Эйвери. Обещал горящие особняки, а дыма до сих пор ниоткуда не видать.

– Ну, это можно после шампанского, – говорит он и кивает на коттедж наверху: – Как насчет вон того? Можем спалить его для начала.

Я окидываю взглядом огромное имение.

– Чересчур бросается в глаза.

– Это так страшно? – спрашивает Эйвери, понизив голос.

– Ты ненавидишь собственный дом? – Я едва не давлюсь шипучим напитком.

Он смотрит на меня в упор. Какие удивительные глаза – ореховые, с серыми крапинками, они будто мерцают в тумане. И я ничего не могу с собой поделать, от их взгляда перехватывает дыхание.

– Пусть это будет нашей тайной, – говорит он, а потом смотрит на часы, и на его лицо набегает тень. – Пошли. Надо угробить еще часть жизни на эту тупую вечеринку.

– Это так необходимо? – упираюсь я. – А мы не можем здесь остаться?

– Боюсь, что у меня на сегодня все танцы расписаны. – Он запрыгивает обратно на причал. Но мне не помогает, даже не протягивает руки. И, вопреки голосу здравого смысла, я этим огорчена.

Под «Лунную реку» в исполнении джазового оркестра мы возвращаемся в сад, и Эйвери, коротко кивнув, покидает меня. Я озираюсь, закусив губу. Присоединиться к стаду овец, переминающихся у танцплощадки? Или прикинуться фрейлиной при еще одной знакомой даме в этом собрании – миссис Дорис Кобб? Не слишком заманчивая перспектива, эта богатая вдова всегда вселяла в меня страх своими черными платьями времен сухого закона и неизменным стаканом чая со льдом в руке. Она никогда не пьет спиртного и не улыбается. А может, мне ползать по социальной лестнице и посмотреть, с какой ступени навернусь? Но, если честно, сомневаюсь, что у меня хватит для этого общительности или силенок.

И тут я слышу его. Попурри из «Благодарю!», «Простите» и «О, как знакомо!», шелестящее над лужайкой. Хор общепринятых любезностей затягивает меня. Манеры – это маскировка, позволяющая вливаться в общество. Свод правил, которые я вызубрила в детстве, а потом благополучно позабыла. Но изобразить их мне вполне по плечу. В конце концов, это всего лишь этикет.

Наглядный пример № 1. Эйвери Вебстер, единственный и неповторимый, дефилирует среди приглашенных с вдовой под руку. Даже ледяная миссис Кобб тает от его внимания. Почтенная матрона чихает, и он протягивает ей платок. *Сразил*. Он перехватывает мой взгляд и приподнимает бровь. *Сразил наповал*. Похоже, это нас роднит, мы оба не выносим показной учтивости и пустой болтовни. Но Эйвери умело скрывает чувства под маской беспечного смирения. Он вежлив настолько, что это можно принять за шутку, однако никто не смеется.

По его примеру я киваю и раздариваю улыбки направо и налево. По пути к бару отпускаю какому-то старичку комплимент по поводу его камербанда.

– Бокал ламбруско, пожалуйста, – со скромной улыбкой прошу я бармена.

Утонченность – искусство коварное. Нет ничего хуже, чем переусердствовать.

Наглядный пример № 2. Пара, направляющаяся в мою сторону, – живое доказательство, что элегантность и деньги не всегда идут рука об руку. Оба разодеты в пух и прах и привлекают слишком много внимания. Его каштановые волосы гладко зализаны назад, чтобы подчеркнуть усы, как у Берта Рейнольдса. Щегольской бордовый пиджак плохо пригнан, галстук-бабочка болтается поверх расстегнутого воротника. Но он меркнет по сравнению с ней.

Ее рыжие волосы маслянисто блестят в свете ламп, голли-

вудский боб обрамляет лицо, но волосы отросли и неровными прядями рассыпаны по плечам. Верх приталенного платья цвета фуксии приподнят так, что нарушает законы гравитации. Яркий наряд подчеркивает легкий загар с чуть розоватым оттенком. Ее духи заглушают запах сирени. Смесь кофе, ванили и жасмина – сладкая и как дым удушливая.

– Два чистых бурбона, – роняет она хриловатым голосом.

Пламя свечей бликами играет на ее кольце, когда она жестом подзывает бармена, и я забываю про ламбруско. Розовое золото и бриллиант огранки «принцесса». Близнец кольца, полученного мной по почте на этой неделе. Обручально-го кольца.

– Гертруда, давай сбежим, – произносит мистер Усач, и я едва не расплескиваю шампанское. – Будем дальше путешествовать вдоль побережья. Только ты да я и моя яхта в тридцать восемь футов.

Мистер Усач играет завитком рыжих волос, поглаживает руку женщины. В его прикосновениях чувствуется сдерживаемая страсть.

– Давай сбежим.

Я делаю вид, будто слушаю джазовый оркестр, а сама слежу за парочкой поверх своего бокала. Хорошенькая⁵ – непод-

⁵ Хорошенький (прил.) – наделенный мягкой привлекательностью. Английское слово-хамелеон *pretty*, претерпевшее существенные изменения с течением времени, произошло от прогерманского *pratt*, «уловка, ложь», которое ведет к древнеанглийскому *praetig*, «хитрый, проворный». В XIV веке использовалось с иро-

ходящее слово для Гертруды, она наделена красотой грубоватой и резкой. Лицо поражает симметричностью черт, ресницы пугающе длинные, а вся фигура типа «песочные часы» выглядит как-то неестественно. Ее сексапильность кажется приторной и липкой, она будто наползает на меня, и я торопливо хватаю кремовый десерт с подноса, который как раз проносят мимо.

Она шикарна со своими глянцевыми ярко-красными ногтями безупречной овальной формы. Она импульсивна – залпом опрокидывает свой виски, а потом подмигивает бармену, пока тот заново наполняет ее стакан. Ей даже просить об этом не нужно, бармен предугадывает каждое слово. И она твердо знает, чего хочет, уклоняясь от предложения Усача (уж не Эдгар ли это? Вдруг они и есть та пара из письма?!) и заявив, что уже вызвала некоего Скипа на лодочные гонки.

– Медвежонок, я вся *истосковалась* по Кампобелло. Это совсем рядом, и Скип разозлится, если мы к нему не заглянем. Конечно, я до смерти хочу сбежать, но лучше бы в «Плазу», чтобы я была в бальном платье и чтобы все, кого я знаю, были приглашены.

Усы ее жениха подергиваются, и он убирает руку.

– Ты позвала Скипа? – бурчит он, и на лбу у него вздувается вена.

ническим оттенком для описания чего-либо привлекательного, но незначительного. В конце концов утратило иронический подтекст и теперь означает милостливую красоту.

Она широко распахивает карие глаза, тянется было к нему, но, хихикнув, останавливается. Разворачивается и уходит по газону на своих непомерно высоких каблуках, в облаке развевающегося шифона. Усач тяжело вздыхает и послушно плетется следом.

Я провожаю Гертруду взглядом. Когда она проходит мимо миссис Кобб, ее пухлые губы растягиваются в усмешке.

– Я-то думала, что ты пригласил меня на вечеринку, а не в дом престарелых, – нарочито громким шепотом обращается она к Усачу. Потом оглядывается на вдову и беззвучно проносит: «Старая корова».

Я прикрываюсь салфеткой, чтобы спрятать потрясенную улыбку, а Гертруда встряхивает волосами и идет прочь.

По толпе проносится вздох, когда она спотыкается и впиается пальцами в руку Усача. Все взгляды устремлены на нее, и она принимает их с нескрываемым удовольствием. Вечеринка вращается вокруг нее, как подол ее юбки. Она здесь примадонна, остальные на подпевках. А я? Так, массовка, которой платят гроши. На мне камера и не задержится.

Квартет исполняет джазовую версию «Будь моей малышкой» «Ронеттс», и саксофонист выдает целую руладу высоких нот. Под переливы трубы танцплощадка заполняется гостями. Марша, Венди и Мюриэль крутят бедрами в сумасшедшем темпе твиста, а Флоренс, окутанную облачком кринолина, подхватывает какой-то молодой человек. Официант, проходя мимо, покачивает головой в такт музыке, старик с

камербандом отбивает ногой трипл-степ. Они делали все это прежде. Может быть, сотни раз. Но все они находятся под властью момента. Гости ритмично движутся в танце, волны плещут о берег, и кажется, что этим вечером может произойти что угодно. И музыканты как будто тоже чувствуют это.

Распахнутые французские окна манят меня внутрь дома. Я вхожу вместе со струйками тумана в мраморный холл и застываю на месте, увидев Гертруду. Ее прижимает к стене рослый блондин. И это *не* Усач. Его губы скользят по ее шее, пальцы сминают красное кружево, выглядывающее из-за выреза платья. Ее нога обвивает его лодыжку.

Его бычья шея покрыта щетиной, сбегаящей к буйной растительности на груди. У блондина широкие плечи, темные круги под глазами, а мятые рукава рубашки туго натягиваются на могучих бицепсах. Он смахивает на спортсмена, который застрял в винном магазине по пути на стадион и вместо тренировки хорошенько надрался. Глядя на меня в упор, он запускает руку под юбку Гертруды и стискивает ее бедро. Верхние пуговицы на его рубашке расстегнуты, и это живописно сочетается с запахом одеколона, заполняющим холл. Сосна, пачули и медицинский спирт – от него пахнет как от лесоруба, забредшего в стрип-клуб. Он, наверное, привлекателен, если его не нюхать, не видеть и не слышать. Но мои органы чувств в порядке, и меня передергивает от омерзения.

– Хочешь присоединиться? – ухмыляется он. – Меня на

всех хватит.

Тишину нарушает гортанный смех Гертруды. Отблески света играют на ее гранатовых серьгах.

– Клод, дрянной мальчишка, не пугай ее. Уноси ноги, лапуля, он живьем тебя съест.

И она вскрикивает, когда «дрянной мальчишка» прижимает ее к полосатым обоям цвета жемчуга.

Гертруда провожает меня взглядом, пока я бегу к ванной по шахматным плиткам холла. Заперев за собой дверь, я вдруг чувствую металлический привкус во рту. Что это? Ревность? Желание? Но почему? Потому что Гертруда предстала передо мной наяву – беззастенчивая, бесцеремонная? Или потому, что я по сравнению с ней невзрачная мышь, которую никто не замечает?

Я припудриваю щеки перед зеркалом из посеребренного стекла. Волосы, оттенок которых дедушка однажды любезно определил как «цвет чуть пережаренного тоста», свернуты в растрепанную «ракушку». В ушах блестят мамины жемчужные серьги. Платье холодного серо-голубого оттенка, сумочка-клатч ему в тон. Я считала себя элегантно одетой, но каким нелепым мне теперь кажется мое ожерелье, и какой дурацкий покрой у рукавов! Юбка-карандаш стягивает ноги. От шампанского и от духоты я вся пылаю. Я захлопываю пудреницу и хмурю брови. Пора домой. Это уже чересчур.

Едва я открываю дверь, меня оглушает крик:

– Неблагодарная тварь! Тупая сучка! Тебе бы только день-

ги из меня тянуть!

Я застываю у дверей зимнего сада, где Гертруда с Усачом явно настроились рвать друг другу глотки. Над ними показываются подвесные светильники из ротанга.

– Слип был *счастлив* со мной повидаться, – шипит Гертруда между затяжками ментоловой сигаретой. – Дорогуша, ты был весьма милой забавой, но сейчас ты нарушаешь *все* правила.

Слегка пошатываясь, она поворачивается к столику и тянется за массивной хрустальной пепельницей. Взвешивает ее на руке, смерив взглядом своего оппонента.

– Помнишь? Ревность сексуальна лишь тогда, когда ее держат в секрете.

У меня невольно вырывается смешок. Интересные у них правила! Оба разворачиваются одновременно, он – с яростью, она – со злорадством. Снова фыркнув, я бегу прочь.

Вот это представление! Снятить можно!

Вечеринка идет своим чередом, то оживляясь, то затихая. Желе подтаивает, пузырьки в шампанском выдыхаются. Отпущены тормоза, отброшены условности. Флоренс кокетничает с бас-гитаристом, а пахучий атлет костерит бармена. Даже вдова Кобб распустила волосы и теперь ритмично переступает с ноги на ногу на танцплощадке, не выпуская из рук свой ледяной чай. Вдруг ее ведет в сторону, и толпа ахает.

Но Эйвери вовремя подхватывает ее. Я почти позабыла о нем, а он единственный сохраняет здравомыслие и присут-

ствие духа среди творящегося безумия. Вместе с несколькими гостями он заносит обмякшую вдову в дом. Музыканты снова занимают свои места, и танцы продолжаются.

Я спускаюсь к причалу и вдыхаю морской воздух, глядя, как лодка Эйвери с названием «Мак», выведенным на корме, тихонько покачивается на волнах. Я невольно усмехаюсь. А он, оказывается, старомодный, раз назвал лодку в честь полевого цветка. Я бесцельно брожу туда-сюда – и оставаться вроде незачем, и уходить неохота. Официант предлагает мне круассан с начинкой из омара, который я съедаю в два счета. Пальцы перепачканы маслом, и я иду в дом, чтобы вымыть руки.

На пороге роскошно обставленной гостиной останавливаюсь как вкопанная. По обе стороны входа в комнату коринфские колонны, обои мягкого зеленого оттенка, изумрудная кушетка и ковер цвета мяты. И в центре гостиной – распростертая Гертруда, словно веточка остролиста на ложе из плюща. Рыжие волосы разметались по шелковому ковру, яркое платье смято на бедрах. Одна из атласных розовых туфель соскользнула и висит на кончиках пальцев. В такой соблазнительной позе она могла бы ждать любовника в постели. На лице застыло изумленное выражение. Брови вскинуты, рот приоткрыт в форме буквы «О». Синяки покрывают шею, как многослойное кольцо. Из кармана юбки торчит клочок бумаги, забрызганный чем-то красным.

Мой взгляд прикован к ее груди, к прорехе на платье.

Под разодранной тканью видны плоть и кость. Кровь сочится из раны, пропитывает лиф платья и стекает на пол, образуя лужу. Ярко-красная кровь Гертруды как будто окрашивает комнату в багровые тона. Никаких следов борьбы. Ни опрокинутых стульев, ни сорванных занавесок. Даже ногти на пальцах не обломаны.

Я смотрю на рыжие волосы Гертруды и ее красную кровь, плетусь в ванную, и там меня выворачивает наизнанку. И омар, и ламбруско утекают в унитаз, а я откладываю сумочку и глотаю воду из-под крана. Лицо в зеркале кажется тусклым, куда более безжизненным, чем у Гертруды. Я изучаю свое оцепенелое отражение, и до меня доходит масштаб случившегося. Вот он, кошмар светского этикета.

Как правильно вести себя, обнаружив труп во время светского приема? Если я подниму переполох, то испорчу праздник и задену хозяев. Но если ничего не сделаю, то окажусь той девушкой, которая нашла тело и не удосужилась никому о нем сообщить. Бестолковой идиоткой. Ущербной личностью. Потенциальной подозреваемой.

Может, надо проверить, действительно ли Гертруда мертва? Она определенно выглядит мертвой, но не будет ли грубостью объявлять об этом во всеуслышание? Стоит ли позвать горничную? *Простите, но я обнаружила рыжеволосую даму, заливающую кровью ваш бесценный ковер. Возможно, вам следует поскорее принести перекись водорода, пока пятно не высохло.*

Пошатываясь, я выбираюсь из ванной и тут же налетаю на одного из швейцаров. Вскрикнув, отшатываюсь с виноватым видом. У него дежурная улыбка и маленький шрам на левой щеке. Я трясущейся рукой указываю ему на гостиную и кидаясь прочь.

Как бы мне хотелось сбежать и где-нибудь спрятаться! Но это, наоборот, только привлекло бы внимание, и я, словно в тумане, бреду к французскому окну и выхожу в сад. Хватаюсь за фуршетный столик и делаю вид, будто ничего не произошло, а сама хочу одного: чтобы залитый кровью шелковый ковер и изумленно приоткрытый рот Гертруды выветрились из моей памяти. Внезапное появление вдовы, опирающейся на руку Эйвери, заставляет меня вздрогнуть.

– Обычный обморок, – доверительно сообщает она. – Этот юноша – просто сокровище.

Из глубины дома доносится крик, и все взгляды обращаются в ту сторону. Повар откладывает свою лопаточку:

– Слышали...

Его прерывает новый крик, еще громче прежнего. Горничная выбегает из дома и замирает на верхней ступеньке. У нее кожа оливкового оттенка, блестящие темные волосы собраны под легкую кружевную наколку. Она вопит в третий раз, а потом трясущимся подбородком указывает куда-то в глубину дома. Я ощущаю укол безотчетной ревности: вот, оказывается, как надо это делать.

Солидного вида господин в костюме в тонкую полоску (уж

не отец ли Эйвери?) поднимается по ступеням, благодарит присутствующих за визит и желает всем *bonne nuit*. Двое из прислуги становятся на страже по обе стороны французского окна, а квартет затягивает прощальный марш. Кто-то оставил на фуршетном столике маленький букет для корсажа. Я обрываю на нем лепестки, следя, как пара горничных провожает гостей к машинам. Во всем этом действе есть что-то театральное, как будто его отрепетировали заранее.

Официант подгоняет меня, и я нехотя плетусь следом за расходящимися гостями, оставляя за собой цепочку смятых лепестков. Каблуки то и дело цепляются за булыжники подъездной дорожки. Передняя дверь приоткрыта, из-за нее пробивается и манит к себе янтарный свет.

Я должна уйти.

Надо последовать за остальными гостями и вести себя как обычно. Вернуться домой, почистить зубы, переодеться в пижаму и притвориться, будто этим вечером ничего не случилось.

Но ноги уже несут меня в противоположном направлении. Темно-синий ковер уже не назвать безупречным, когда я заглядываю в дом, он весь в пыли и в грязи.

– Билли!

Эйвери сидит на ступеньках с бокалом пива в руке, рукава его серого блейзера закатаны. Мгновение поколебавшись, я подсаживаюсь к нему. Вдвоем мы смотрим, как подъезжает полицейская машина и из нее выбегают двое копов. Я отпи-

ваю глоток пива. Бокал до сих пор держит холод.

– Это действительно произошло? – спрашиваю я. Весь сегодняшний вечер кажется нереальным, чтобы не сказать больше.

Порой трудно провести грань между вымышленным миром и фантазиями о мире реальном. В урду есть для этого слово *goya* – «как будто бы».

Эйвери как-то странно косится на меня.

– Да, конечно. А почему ты спрашиваешь?

Признание, что я теряю связь с реальностью, не прибавит мне притягательности, так что лучше сменить тему.

– Может, и нехорошо так говорить, но Гертруда как будто напрашивалась на неприятности. Я видела, как она сегодня вечером изменяла своему ухажеру.

Эйвери усмехается:

– Тоже мне сенсация.

Несколько полицейских осматривают место происшествия. С кем-то из них я вместе росла, кто-то перебрался сюда недавно. С офицером Люком Блэквудом мы учились вместе в старшей школе. Он машет мне рукой, обматывая колонны сигнальной лентой. Наш бессменный заместитель шерифа, Гордон Эбботт, плетется мимо, орошая мраморный пол каплями пота. В гостиной мигает фотовспышка, там снимают место преступления. По всему дому разносятся крики. У меня перехватывает дыхание: Усача выводят в наручники. Он выворачивается из рук полицейских, усы нервно поддер-

гиваются. Когда его выталкивают в двери, мы с Эйвери одновременно тянемся к пиву. Когда наши пальцы соприкасаются, меня будто бьет током. Я в изумлении смотрю на него, и он отвечает смущенным взглядом.

– Как по-твоему, кто подозреваемый? – Вопрос возникает сам собой.

Эйвери саркастически приподнимает бровь.

– Билли, это может быть кто угодно.

У меня вырывается смешок, и проходящий мимо полицейский сверлит меня взглядом.

– Даже я?

– Нет, ты – вряд ли, – задумчиво произносит он, пригубив пиво.

– Мне нужно поговорить с полицией? Или...

– Отец даст им список гостей. Они сказали, что всех допросят, когда тут разберутся, – объясняет Эйвери.

Заместитель шерифа Эбботт спотыкается о верхнюю ступеньку, роняет рулон сигнальной ленты и громко стонет, когда тот разматывается.

– Но на это уйдет какое-то время.

Видение в шелках персикового цвета скользит по ступеням. Это женщина неопределенного возраста, которой может быть и тридцать пять, и шестьдесят. Она устремляет взгляд на Эйвери, промокая глаза платком, а потом ее рука замирает над его головой. Уж не собирается ли она взъерошить ему волосы? Но вместо этого она роняет платок. *Ну да,*

здесь ни до чего не дотрагиваются. Включая друг друга. За ее спиной появляется мужчина в льняном костюме.

– Куинн, тебя что, в сарае воспитывали? – Он поднимает платок, машет им вслед удаляющейся женщине, а потом, сдвинув седеющие брови, поворачивается к Эйвери: – Ты тут чем занимаешься, сынок?

– Проматываю семейное состояние, – откликается тот, пожимая плечами.

– Почему не обзваниваешь *каждого*, кто работал сегодня? Иди *сей же час* свяжись с адвокатом – или ищи себе другую семью. – Мистер Вебстер прожигает Эйвери взглядом и удаляется вверх по ступеням.

– Он очень любезен, – замечаю я, когда отец Эйвери оказывается вне пределов слышимости.

– Еще один день в раю, – бормочет Эйвери, покачивая головой, а потом удивленно смотрит на часы. – Билли, ты что здесь делаешь? Уже совсем поздно!

Я закусываю губу.

– Я тот самый Последний гость.

В книге Эми Вандербильт по этикету этой теме был посвящен целый раздел.

В его глазах вспыхивают искорки.

– Худшая оплошность за весь вечер. Ты живешь в городе? Можно тебя подвезти?

Я почти перестаю дышать.

– Но... Да, конечно!

Эйвери рассеянно кивает, а потом кричит, обращаясь к кому-то внизу:

– Хейес, ты не отвезешь эту юную леди домой? Она, кажется, живет где-то там. – Взмахом руки он указывает куда-то на восток.

– Значит, не ты меня подвезешь? – Я не могу скрыть разочарования.

Между тем в холле появляется Хейес. Это тот самый мужчина с «помпадуром», который подавал пунш.

– По-моему, убегать с места преступления не рекомендуется, – хмыкает Эйвери.

Хейес выводит меня на стоянку и распахивает дверцу глубокого «мерседеса». Я устраиваюсь внутри, мрачно глядя в темное окно.

Пока дворецкий везет меня домой, я ломаю голову над проблемой Гертруды. Да, она – определенно проблема. Не странно ли, что на днях я получила адресованное ей любовное письмо? Еще как странно. Хотя теперь, увидев ее вочию, я не могу отделаться от ощущения, будто знала ее годами. Я будто вижу наяву, как она стоит среди орхидей со своей ментоловой сигаретой, готовая запустить пепельницей в Усача.

Я чувствую, как эта таинственность увлекает меня. Что скрывалось за этим фасадом цвета фуксии? Как ей удалось заполнить собой весь вечер? Оказалась ли она жертвой, или злодейкой, или и той и другой одновременно? Гертруда была

воплощением всего того, чего не было у меня. Она из тех героинь, о которых пишут книги. Чарующая, ослепительная и безумная. Я хочу знать о ней все, что только возможно.

Но для начала я должна выяснить, кто ее убил.

Глава 3

Правила поведения на улице

Нигде манеры леди столь не подвержены критике, как на улице. Ее туалет, экипаж и походка – все окажется на виду, и ни одна неподобающая деталь не останется незамеченной.

– Если бы ты была на вечеринке, а там кто-то умер, ты бы что сделала?

Я устраиваюсь поудобнее, прижав к уху телефонную трубку. Уголок с шезлонгом из потертого желтого бархата, прячущийся под защитой старой кедровой лестницы, – идеальное место, чтобы шептаться о скандалах. На подлокотники из розового дерева, увитые резными виноградными лозами, удобно ставить и телефон, и чашку чая.

– Это гипотетический вопрос? – Я слышу, как Дебби ухмыляется.

– Нет, – виновато отвечаю я.

Уже десять утра, и я официально ничего не делаю. Сиджу в пижаме, машинально наматывая на палец телефонный шнур, а «бьюик» Виктора томится где-то в полутора милях отсюда.

– Но я никого не убивала. Честное слово.

– Это только пока, людоедка.

– Увы, тебя ввели в заблуждение. Я не шлюха⁶ и не каннибал.

– Ооо... «шлюха» – это просто восторг, – откликается Дебби.

Одна из причин нашей дружбы кроется в том, что она, как и я, без ума от старинных словечек. Она выделялась среди прочих девушек в Эшбернском лингвистическом институте – те лишь хотели получить бумажку об образовании, а потом выйти замуж. Дебби специализировалась на библиотечном деле, а я ударилась в лингвокультурологию, но обе мы грешили тем, что тайком притаскивали вино в общагу. После выпуска она устроилась в одну из самых престижных библиотек в стране, а я оттачиваю умение подшивать джинсовые комбинезоны. При этом она почему-то не считает меня неудачницей и верит в мои силы больше, чем я сама. Наша дружба сродни этому самому шезлонгу – такая же проверенная, выдавшая всякое, в самый раз для горячих сплетен.

– Но есть один парень... – Я понижаю голос, чтобы не услышали бабушка с дедушкой.

– Настоящий? – уточняет Дебби. Это поражает ее сильнее, чем убийство.

⁶ Шлюха (англ. *trollop*) (сущ.) – аморальная или распущенная женщина (иногда употребляется в шутовском значении). Одни лингвисты полагают, что это старинное оскорбление происходит от среднеанглийского слова *trollen* («прогуливаться, шляться»), тогда как другие настаивают, что оно восходит к древненорвежскому *troll* («ведьма, греmlin, колдунья»). Впрочем, зачем выбирать, когда можно взять оба значения?

– Думаю, да, – отвечаю я, хотя уже сама в этом не уверена. По всем параметрам выходит, что Эйвери – это какая-то аномалия. – У него и мозги, и манеры, и чувство юмора, и при этом его не назовешь пугалом.

Я продолжаю крутить телефонный шнур и задумываюсь о типичной голубой мечте Новой Англии. Я – обычная девушка в пижаме в горошек, которая слишком серьезно восприняла сказку о несуществующем принце. Двадцать шесть – самый подходящий возраст для таких курьезов. Только мужское население нашего городка в массе своей меня не вдохновляет. У иной рыбы в бухте уровень интеллекта выше, чем у здешних холостяков. Я ищу не таких, как они, и я им тоже даром не нужна. Порой кто-то приглашает меня в кино или угощает пивом, но в такие дни мне больше всего хочется поскорее вернуться домой и остаться наедине со своими книжками. Лечь в постель с героями, которые на самом деле покоряют меня.

– И он настоящий, что самое важное... – повторяет Дебби. – Так ты расследуешь это убийство?

– Именно это я и обдумываю. – Я разглядываю телефон, взвешивая все «за» и «против». – То ли преступление распутывать, то ли ногти красить. Больше мне сейчас заняться нечем.

– Первое, что нужно детективу, – это тренч, – сообщает она.

Вообще-то Дебби работает в библиотеке Хейдена при

Массачусетском технологическом институте в Бостоне, но лето проводит в исследовательском центре и, кажется, скучает по развлечениям.

– Надо завести модный пиджак, в котором ты будешь смотреться и элегантно, и устрашающе.

– Валяй дальше, я записываю.

– Пункт второй – темный кабинет. Представь только ветхое кирпичное здание со сломанными жалюзи, и чтобы внутри все покрывал толстый слой пыли. Можно добавить несколько немых кружек с кофейными разводами и пару пустых бутылок из-под виски. И привыкай к напиткам покрепче, рислинг тут не прокатит. Скелеты в шкафу тоже понадобятся. Нет у тебя криминального прошлого? Или какой-нибудь редкой болезни? Или вдруг ты из армии дезертировала? А, знаю! Ты азартный игрок, и еще у тебя случаются помрачения рассудка, но...

– Дебби! – Я плачу от смеха, а подо мной жалобно скрипят старые пружины. – Я тебя спрашиваю, как преступление расследовать, а не как сниматься в фильме-нуар.

– А есть разница? – Для пушного драматического эффекта она бросает трубку – и тут же перезванивает снова.

Альфред Хичкок сильно усомнился бы, что я гожусь на роль матерого детектива. Мой желтый прогулочный велосипед слишком бросается в глаза, а рассеянная улыбка навряд ли внушит трепет убийце. Я приезжаю, чтобы забрать дедуш-

кин «бьюик», загружаю велосипед в кузов, а потом подхожу к воротам. Прищурившись, разглядываю возвышающийся за ними особняк.

Вебстер-коттедж погружен в сон. Задернуты шторы, наглухо закрыты двери, в саду ни души. Я берусь за железные прутья ограды и поражаюсь, до чего же они холодные.

На обратном пути я прокручиваю в памяти события вчерашнего вечера. Пирамида шампанского. Алые ногти Гертруды, стискивающей в руках хрустальную пепельницу. Дикарь в холле, тот самый, с волосатой грудью под расстегнутой рубашкой. Туман, клубящийся над носом катера Эйвери. Флоренс, вертящаяся на танцплощадке. Кровь Гертруды, живописно стекающая на мятно-зеленый ковер. Усы ее спутника, похожего на торговца подержанными автомобилями. Уж не *его* ли послание попало ко мне? Как такое вообще возможно – получить письмо и обручальное кольцо, адресованные незнакомке, и на следующий же день увидеть ее убитой?

Я подъезжаю к дому, прячу ключи от машины в карман дедушкиной куртки и ретируюсь в спальню. «Нортенгерское аббатство» не имеет ничего общего с Вебстер-коттеджем. Я закутываюсь в одеяло и разглядываю абрис Джейн Остен на задней стороне обложки. Таинственная, цепко подмечающая детали, работающая на износ – вот из кого получился бы великий детектив. Все ее книги написаны по одной схеме: флирт, слухи, романтическое фиаско. Потом вялое расследование, преподнесение истины на серебряном блюде

и предложение руки и сердца. Если бы Остен разгадывала убийство, с чего бы она начала?

Я слезаю с кровати и достаю щипцы для завивки. По всей видимости, она бы начала со сплетен. В каждом слухе таится крупица правды, и героини Остен докапываются до нее, хлопая ресницами и восклицая: «Кто бы мог подумать!» Убрав книгу в сумку, румяню щеки и берусь за дело.

Первая остановка – у самого въедливого человека в городе, и это мой дедушка. Я застаю его сгорбившимся над кухонным столом, в компании радиоприемника, газеты и чашки кофе «Фолджерс».

– Машина Майк Браво семьдесят два, как слышите? – гудит приемник. – Не упоминать красный мяч, если зайдете в клуб десять-сорок два. Приказ шефа. Прием.

– Вот черт, где же мой блокнот с шифром? – ворчит Виктор, плетясь в коридор в своих стоптанных кожаных шлепанцах.

Приемник снова вибрирует.

– Машина Майк Браво, как слышно?

Кожаный футляр весь помят и протерт от прикосновений дедушкиных пальцев.

Я кошусь на выпуск «Бангор дейли ньюз», но там ни слова о Гертруде – только статья под заголовком «К чертям собачьим» про коробку со щенками, найденную у федеральной автострады. Я отступаю, пропуская Виктора, когда он бредет обратно с брошюрой в руках, покрытых старческими пятна-

ми.

– Виктор, вчера по радио ничего необычного не передавали? – спрашиваю я, глядя, как он листает блокнот на пружинках.

Ради сохранения некоторой самостоятельности я называю бабушку с дедушкой по именам – пусть они будут компаньонами, а не опекунами. Они сами, правда, от этого не в восторге.

– Нет! – Густые, как заячий мех, брови сходятся к переносице. – Хотя был один угон автомобиля. «Бьюик седан» 1955 года выпуска увели у старика прямо от дома. Черт знает что в этом городе творится!

– Извини, мне нужно было кое-куда съездить.

Кустистые брови раздраженно шевелятся.

– Это код десять-тридцать семь, Билли. Поостерегись.

Виктор терпеть не может, когда я беру его машину. Он листает полицейскую брошюру, а я шарю по буфету в поисках чего-нибудь съестного.

– Еще какие-нибудь коды прошлым вечером были? – спрашиваю я, жуя соленое печенье.

– Десять-сорок девять.

Виктор угрюмо смотрит на страницы. Красные прожилки в глазах за толстыми стеклами очков и «гусиные лапки» видны отчетливее, чем обычно. Он кажется смущенным. Печально разглядывает свой кофе.

– Не знаю, кто вызывал. Это не мое дело. Наверное, по-

звонили оператору, а она передала полицейским. Может, это вообще чья-то шутка. – Он безучастно смотрит на меня: – Ты где была вчера вечером, Билли?

– Моталась через канадскую границу, продавала краденые «бьюики», – отзываюсь я и захлопываю за собой дверь.

Вторая остановка в погоне за сплетнями – за шаткими жалюзи на втором этаже кирпичного здания в центре города. Я поднимаюсь по ковровой дорожке, покрытой многолетним слоем соли, слякоти и грязи, и вхожу в новостное агентство «Кводди каррент».

Рулоны серой бумаги, поломанные вентиляторы, нагромождение старых пишущих машинок – газетным заголовкам здесь впору умирать, а не рождаться. Дебби оценила бы побитую кофеварку и пизанскую башню немых чашек. Старинный печатный станок под слоем пыли она бы тоже одобрила. Но вряд ли бы ее заинтересовали редактор Томас Кахилл и репортер Диана Бин – ни один из них не прошел бы пробы в Голливуде. Оба помятые, тусклые, с лицами такими же невзрачными и унылыми, как и их бумага.

– Чем могу быть полезна? – Мисс Бин поворачивает ко мне свой орлиный нос.

Для репортера она не слишком наблюдательна. Мы сотни, если не тысячи раз встречались на улицах, но она до сих пор не знает моего имени.

Я наклоняюсь над заваленным письменным столом, поставив руку возле стопки визитных карточек со знаком из-

дания в виде рыбацкой лодки.

– На самом деле ничего существенного... – Я запинаясь, подыскивая слова.

– Выкладывай, Билли, мы же не можем целый день ждать, – с упреком говорит мистер Кахилл.

– Я просто хотела спросить, нет ли у вас каких-нибудь зацепок в связи с... со вчерашней суматохой.

«Убийство» звучит чересчур жестко.

Кахилл и Бин хмурятся.

– Со вчерашней суматохой? – восклицает репортерша. – А не выметалась бы ты отсюда?

– Значит, никаких зацепок у вас нет. Ничего, касающегося этого дела? – спрашиваю я, и они тупо таращатся друг на друга. Я прячу улыбку. *Они понятия не имеют, о чем речь.*

– Пытаешься скормить нам историю? – усмехается Кахилл.

– Кыш! – Мисс Бин взмахивает рукой, точно отгоняя уличную кошку. – Проваливай, не то позвоню твоей матери.

Я еле сдерживаю презрительный смешок. Будь Диана Бин хоть сколько-нибудь толковым репортером, она бы знала, что моя мать умерла. А поскольку наблюдательностью она не блещет, то и не замечает, как моя рука со стопкой ее визиток опускается в сумку – в знак молчаливого протеста. Чувствуя себя в некоторой степени отомщенной благодаря этой мелкой краже, я разворачиваюсь и спускаюсь по грязным ступенькам.

Третья остановка – «Прилив и снати». Засаленный ресторанчик, расположенный прямо напротив полицейского участка, – идеальное место для слежки. Фаянсовая кофейная чашка с толстыми стенками согревает мне руки, а крошки от тоста липнут к накрашенным губам, пока я веду наблюдение.

Официантка со вчерашней тушью на ресницах и в замызганном фартуке берет телефонную трубку:

– У нас есть меренговые пироги с черникой, клубникой и ревенем, лимоном, нантакетский клюквенный...

Дверь полицейского участка распахивается, появляется дородный офицер, а с ним – всклокоченные Усы. Я мгновенно настораживаюсь. Предполагаемый жених Гертруды, спотыкаясь, спускается по ступеням следом за заместителем шерифа Гордоном Эбботтом. Бордовый пиджак, еще вчера такой щегольской, сегодня измят и весь в каких-то пятнах. Усач держит в правой руке бумажный пакет и воинственно потрясает им перед полицейским.

Голос официантки делает резкий скачок на октаву:

– Вы рехнулись, что ли? Не могу же я вам *все* пироги отложить!

Я оборачиваюсь, отвлекаясь от криминальной драмы на местечковую. Девушка опирается о витрину с пирогами.

– Да я понимаю, что вы хотите... но, *сэр*, пирогов всем хочется! Я не могу отложить их все, только потому что... Помню, что вы в прошлый раз так не делали. Да, знаю, вы

на лодке.

Я ухмыляюсь. Очередная пакость, на которую горазды курортники. Словно матерые викинги, они совершают набеги на город, сгребают выпечку и закуски из омаров и уплывают восвояси. Интересно, имеет ли когорта пожирателей пирогов какое-нибудь отношение к нынешнему скандалу? Эта публика обычно вращается в своем кругу, а мы – в своем.

Пока я допиваю кофе, эти самые два круга сшибаются на улице. Усач насккивает на заместителя шерифа.

– Тут можно крупными буквами написать: «Неправомерный арест!» – кипятится он, когда я выскальзываю из кафе. – Я был пьян, когда меня допрашивали! А вы этим воспользовались!

С видом оскорбленного достоинства взмахнув еще раз своим пакетом перед Эбботтом, Усач удаляется.

Я украдкой иду за скорбящим женихом Гертруды вдоль освещенных солнцем витрин на Уотер-стрит. Он сталкивается с ловцом моллюсков в резиновых сапогах и с пластиковым ведерком в руках, а потом спотыкается, коротко вскрикнув. В жизни ни за кем раньше не шпионила, но надеюсь, что все делаю правильно – не выпускаю из вида, но и не пялюсь в упор. Возникает странное предчувствие, словно дежавю наоборот, что эта слежка – первая из многих грядущих.

Сыщик я, конечно, прирожденный: врезаюсь точно в полицейского.

– Извини, Люк. Некоторые вещи никогда не меняются, –

бормочу я, отцепляясь от рослого молодого копа.

И тут все сплетни, поиском которых я так поглощена, вдруг оборачиваются чем-то преходящим. Ибо кому важны стычки между местными и приезжими или бедными и богатыми, когда по сравнению с Люком мы все тут туристы.

Племя пассамакводди издревле жило по берегам залива. Первые Люди Рассвета поселились здесь буквально на заре времен. Смена сезонов, моды, сфер промышленности, пережитая этим архипелагом с той поры, как в 1604 году сюда высадились французы со своими багетами, – всего лишь мгновения в жизни острова.

Лицо Люка словно высечено из камня, он плоть от плоти гранитных берегов, отшлифованных ледниками в ту пору, когда много веков назад здесь появились его предки. Говорят, в тихом омуте черти водятся, – это про него. Темно-карие глаза смотрят с участием. Что в них таится? Что держит здесь Люка? Какие узы связывают его с этим местом?

– Думаю, извиняться надо тротуару, а не тебе, – бормочет он, указывая на потрескавшийся асфальт у нас под ногами.

Люк из тех учеников, кто изо дня в день ездил в школу на автобусе из резервации Плезант-Пойнт. Он всегда хорошо относился ко мне – возможно, потому, что оба мы в чем-то были изгоями. Я слыла белой вороной, а Люк принадлежал к совершенно другому миру.

– Смертельная ловушка! Тротуар жаждет нашей крови, – соглашаюсь я, и молодой полицейский бросает на меня при-

стальный взгляд. Да уж. Пожалуй, не стоило шутить про смертельные ловушки с тем, кто только что приводил в порядок место убийства.

— Думаю, мы все сегодня немного выбиты из колеи, — говорит Люк, взяв себя в руки. — Билли, не хочу показаться любопытным, но я видел тебя там вчера вечером, после того как...

— После того, как задержали этого усатого горлопана? — Я бросаю взгляд на дорогу. Усач уходит!

Люк одергивает мятую рубашку и приглаживает черные волосы. Должно быть, он всю ночь провел на ногах.

— Да, усы у Тедди знатные.

— Тедди? — Я оборачиваюсь в изумлении. Жениха Гертруды зовут Тедди?

— Тедди Брикстон, остановился на лето в Бакс-Харбор, — объясняет Люк. — Мы взяли его, потому что...

— Его усы — это преступление против человечности? — перебиваю я, и Люк смущенно кашляет.

Кто меня за язык тянул? Определенно, сегодня чувство юмора не моя сильная сторона.

Люк машинально сжимает и разжимает кулак, и мой взгляд невольно притягивается к мозолям на его ладони.

— Тедди состоял в отношениях с погибшей. Есть свидетели их ссоры перед тем, как... Словом, наклюкался он изрядно, и мы запихнули его в вытрезвитель, чтобы очухался и подумал, что натворил.

– А что он натворил? – Я потихоньку шагаю в том направлении, в котором скрылся Тедди.

– В таких преступлениях часто виновником оказывается партнер, – понизив голос, говорит Люк и пристраивается рядом со мной.

Да ладно. Я едва сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза.

– Но если он главный подозреваемый, то почему вы его отпустили?

– Помощник шерифа опрокинул стул, а Тедди раскричался, что подаст иск против произвола, ну и... – Люк останавливается, спохватившись, что сболтнул лишнее. – Билли, будь поосторожнее с этой семейкой. И поостынь с расспросами. Это наша работа.

Он похлопывает меня по плечу, спрашивает, куда я иду, и провожает в парк возле гавани.

– Береги себя, – говорит он напоследок, бросив на меня обеспокоенный взгляд.

Я усаживаюсь на скамейку и вытаскиваю из сумки «Нортенгерское аббатство». Но едва Люк скрывается из виду, впиваюсь взглядом в бар на другой стороне дороги.

Четвертая остановка – «Пересохший кит», единственный бар в Истпорте. Я потеряла Тедди из поля зрения, но будь у меня похмелье, усы и мертвая подружка, я бы отправилась в бар. И «Пересохший кит» – подходящий вариант, других все равно нет.

Я разглядываю поток подвыпивших рыбаков, идущих че-

рез вращающиеся двери, потом, прищурившись, поднимаю глаза на бегущие по небу облака. Они тоже выглядят так, словно вчера перебрали шампанского. На скамейке в глубине парка я замечаю человека в пиджаке цвета хаки и мягкой фетровой шляпе. Вот *он* похож на настоящего детектива. Потом снова оборачиваюсь в сторону бара и едва сдерживаю вскрик.

Из дверей вываливается Усач, прислоняется к белой стене под вывеской, вытирает глаза тыльной стороной ладони и подносит к губам бутылку пива. И бархатный пиджак, и бумажный пакет куда-то подевались, а развязанный галстук-бабочка висит замызганной веревкой.

Я набираюсь смелости и перехожу через дорогу.

– У вас все в порядке? – спрашиваю я.

– Ты, бесстыжая! – рычит Тедди. Его затуманенный взгляд устремлен куда-то мне за спину.

Я в шоке от его лексикона, но держу себя в руках. Пусть разговорится.

– Это вы отправили мне письмо? – спрашиваю я. Смутное чувство подсказывает мне, что письмо и убийство Гертруды связаны между собой. И если я разгадаю одно, то раскроется и другое.

– Вечно ты плутуешь со своими письмами. Козни у меня за спиной строишь. – Усач явно принимает меня за кого-то другого.

Я морщу нос, когда он придвигается ко мне. От него несет

виски, потом и чем-то еще. Страхом? Тоской? Унижением? Горячее дыхание липнет к моей шее, а влажные пальцы ползут вниз по спине. Меня передергивает, и я сбрасываю его руку.

– Я сделаю тебе так же больно, как ты мне! Хочу, чтобы ты о пощаде молила! – икая, выдавливает он, а потом швыряет бутылку на асфальт.

Осколки летят во все стороны, и я вскрикиваю.

– Медвежонок Тедди, хватит пугать милую девушку! – раздается у меня за спиной веселый голос.

Я отступаю на шаг, стараясь не наступить на битое стекло. К нам подходит молодой человек в капитанской фуражке, у него рыжие волосы и щетина, он среднего телосложения и носит рубашку в синюю полоску. Рядом топчется его товарищ, прижимая к груди штук пять коробок с пирогами.

– Снимаю шляпу, сэр! – Молодой человек хлопает Тедди по плечу и подносит руку к фуражке. – Эта сука сдохла, ты попал под арест, а потом нагрузился в «Пересохшем ките». Для меня честь быть твоим другом!

– Скип, – безжизненно произносит Усач. – Я этого не делал.

Я отступаю в сторонку и заворачиваю за угол. Так это и есть пресловутый Скип, из-за которого сцепились Тедди с Гертрудой! Я никогда не видела его раньше, но хорошо знаю, кто он. Это все знают. Роскошная летняя резиденция Скипа Эшкрофта на Кампобелло – настоящий рассадник сенаторов

штатов и руководителей компаний с Уолл-стрит. Его можно было бы сравнить с особой королевских кровей, существуй в Америке монархия (хотя на самом деле его дом находится по другую сторону канадской границы).

– Пошли, дружище, отведу тебя домой. У нас и пироги есть, чтобы это отпраздновать. – Скип кивает на молодого человека, изнывающего под горой коробок из «Прилива и снастей».

– Отпраздновать? – У Тедди дергаются усы.

– Не каждый же день кого-то убивают. Надо это отметить. – Скип заходится смехом и нахлобучивает фуражку Тедди на голову.

– Сядем на паром? – Усач растерянно озирается по сторонам.

– Не оскорбляй меня. Я на яхте, – бросает Скип, направляясь к причалу. Помощник, стиснув зубы, кидается за ним со своими пирогами.

То ли адреналин так действует, то ли неловкость или же легкое похмелье, но всю дорогу до дома я не могу отделаться от странного чувства, что за мной следят. По коже бегают мурашки, но я твержу себе, что это просто нервы. Не выпалась прошлой ночью, вот и шарахаюсь от каждой тени. Никто за мной не следит. Обычное переутомление.

А раз я знаю, что все это – игра воображения, то и не обобрачиваюсь.

На радиобудильнике играет «Гарлемский шаффл»⁷. Я сонно моргаю. Десять вечера. Я полулежу, привалившись к изголовью кровати. Голова кружится так, будто вот-вот отвалится. Я с трудом дотягиваюсь до кнопки и отключаю мелодию. Я измотана, но отдохнуть не получается. Как там сказал Виктор? «Не знаю, кто вызывал». А если это можно как-нибудь выяснить?

Я тянусь к розовому телефону и набираю единицу. Глаза у меня как щелочки и открываться не хотят, но я продолжаю собирать сплетни и следую к пятой остановке: телефонистка.

– Белл Атлантик, Восточный Мэн, – отвечает надтреснутый голос на другом конце провода. – С кем вас соединить?

– Вы работали на коммутаторе прошлой ночью?⁸ – зевая, спрашиваю я.

– Прошу прощения? – Она сбита с толку. Люди называют ей целый день, но никто не обращается непосредственно к женщине у коммутатора, всех надо просто куда-то перенаправить.

– Вы дежурили прошлой ночью? – Вряд ли в Восточном

⁷ Песня дуэта *Bob & Earl* (1963), породившая одноименный танец. – *Примеч. перев.*

⁸ Ночь (сущ.) – период от заката до восхода, лишенный солнечного света. Происходит от праиндоевропейского корня *newkt*. В более чем двадцати языках дробится на комбинацию буквы *n* с цифрой «восемь». В английском: *n + eight = night*. В испанском: *n + oche = noche*. В португальском: *n + oite = noite*. Во французском: *n + huit = nuit*. Из-за таких аномалий изучение языков и стало для меня любимым делом. Я чувствую себя словесным детективом, расследуя очередную языковую загадку.

Мэне очень много телефонных операторов. Готова спорить, каждый работает в одну и ту же смену.

– Я?.. А что?.. Нет...

– Тогда до свидания, – говорю я и вешаю трубку. Зеваю и звоню еще раз.

– Белл Атлантик, Восточный Мэн, – произносит пожилая женщина. Голос изможденный, слабый, под стать моему ветхому телефонному шнуру. – С кем вас соединить?

– Вы дежурили на коммутаторе Восточного Мэна прошлой ночью? – спрашиваю я.

– Катись к черту! – Трубку бросают с сердитым пыхтением.

Я ухмыляюсь и набираю единицу в третий раз.

– Здравствуйте, это вы были на коммутаторе в прошлую ночную смену?

– Да, – настороженно отвечает телефонистка.

– Возможно, мой вопрос покажется странным... Вы не принимали каких-нибудь необычных звонков?

Телефонистка колеблется, и мои глаза наконец открываются.

– А в чем дело? – отзывается она после паузы. У нее типичный для Мэна говор и легкая хрипотца, будто она немного простыла. В напряженном голосе звучит любопытство.

– Примерно в это же время прошлой ночью... не звонили кто-нибудь в полицейский участок? – Голос у меня чуть звенит в конце каждой фразы, выдавая нервозность. – Ниче-

го необычного не помните?

– Может быть. А почему вы спрашиваете?

Почему я спрашиваю? Прищурившись, я смотрю на телефон. Просто потому что мне нечего делать, кроме как совать нос в чужие дела. Потому что Гертруда заслуживает справедливости, а я сомневаюсь, что заместитель шерифа Гордон Эбботт способен этого добиться? Потому что жизнь коротка и мы должны сделать ее как можно более интересной?

– Я не могу вдаваться в подробности, но прошлой ночью кое-что случилось... с очаровательной молодой женщиной. И я хотела бы помочь. Я подумала, вдруг вы располагаете какой-нибудь полезной информацией. Но если нет, то приношу извинения за беспокойство.

Объяснение, конечно, корявое, но, надеюсь, сойдет.

В трубке тишина. У телефонистки на одной чаше весов – профессиональная осторожность, на другой – природная страсть к сплетням.

– Хорошо, но никому ни слова, что это я вам рассказала. Повезло, сплетни победили.

– На моих устах печать молчания, – заверяю я.

– Прошлой ночью, примерно в четверть одиннадцатого, я приняла звонок. Говорили очень быстро, в сильном волнении. Просили...

– Мужчина или женщина?

– Женщина. Акцент у нее был странный, – отвечает теле-

фонистка после минутного раздумья. Переводит дыхание и откашливается. – Может, европейский.

Экономка? Мать?

– Так что со звонком?

– Сначала она сказала, что это очень срочно, и попросила соединить с больницей. А потом передумала и вызвала полицию. Там еще слышался сильный шум. В какой-то момент она извинилась и попросила меня подождать, и это было очень непривычно, ведь передо мной *никогда* не извиняются. – Телефонистка фыркает и понижает голос: – А потом женщина произнесла: «Умерла. Умерла наконец».

– «Наконец»! – Я зажимаю рот рукой – не хватало разбудить бабушку с дедушкой!

Смех у оператора такой же хрипловатый, как и голос.

– Да, меня выбор слова тоже удивил. Обычно, когда случается что-то чрезвычайное, сразу звонят в полицию. Но в тот раз все получилось иначе. Я все время вспоминаю ее голос. Он здорово меня напугал.

– А дальше? – подбадриваю я, надеясь узнать новые детали.

– Дальше я услышала на заднем плане какого-то парня. Он сказал: «Подожди, пожалуйста». Голос у него был какой-то высокомерный. Она повесила трубку, и я так ее ни с кем и не соединила. – Телефонистка снова кашляет. – Так что случилось? Кто-то действительно умер? А то я уже решила, что это розыгрыш.

– Прошлой ночью убили человека.

На коммутаторе ахают.

– А вы частный детектив и расследуете убийство?

Я едва сдерживаю смех.

– Точно.

Глава 4

Услуги горничной

Горничная подает госпоже утреннюю чашку чая, помогает ей одеваться, содержит в порядке ее гардероб, следит за ее косметическими принадлежностями. Она выполняет работу по дому, подметает, прибирает, протирает фарфор, расставляет цветы. Чистит серебро и лампы, следит за бельем. Наводит порядок в кладовой, а кроме того, утром и в дневное время встречает гостей.

У всех на устах – Элизабет Тейлор. Люди только и говорят что о ее цветочной короне и желтом свадебном платье с высокой талией. Я заскакиваю в «Приморский салон», чтобы освежить стрижку и послушать разговоры, но никто и не заикается ни о пунше «Умеренность», ни о залитых кровью шелках. Под гудение фена парикмахеры шушукаются о первой кинодиве Голливуда, даже не подозревая о сенсации у них под боком.

Чья-то рука заткнула рты местным блюстителям закона, и я могу лишь гадать, кому она принадлежит. Проходят дни, таинственность сгущается. Полиция не хочет или *не может* раскрывать подробности скандала? Я ничего не говорила никому, кроме Дебби, – не та это история, чтобы о ней распро-

страняться. Пока.

Элизабет Тейлор отправляется в свадебное путешествие – сначала в Бостон, потом в Пуэрто-Вальярта. Я представляю, как она потягивает «маргариту», а среди орхидей и папоротников, окружающих ее балкон, мелькают желтокрылые попугаи и голубые бабочки-морфо. Мне тоже нравится наблюдать за природой: любоваться мигрирующими горбатыми китами в заливе или монархами (которые официально получили штамп о прописке в той же Мексике), порхающими в бледных лучах июньского солнца. Проходя по улицам, я высматриваю тех больших черно-белых бабочек, которые так часто кружатся возле богатых домов. Прислуга всегда в курсе, где водится грязь, под чей ковер замечен сор. Мне отчаянно нужно поговорить с горничными Вебстеров, чтобы узнать, кто звонил от них в ту ночь.

В ателье врывается мать Марши с рулоном клетчатой ткани: ей нужны четыре занавески. Я прикрепляю шторную ленту к плотному хлопку, подгибаю края, закрепляю их булавками. Прошиваю эти страшные клетчатые отрезы, а сама краем глаза посматриваю в окно. Охота на бабочек открыта.

Под визг моей швейной машинки одна как раз пролетает мимо.

Миссис Придмор ушла на обед, и некому остановить меня, когда я выпутываюсь из образчика дурновкусия миссис Кримп и кидаюсь в складское помещение. Схватив бейсболку и блейзер, наскоро проверяю, не торчат ли откуда-нибудь

бирки. Потом запираю дверь и бросаюсь в погоню. Девушка успевает уйти уже за полквартиры, когда я наконец настигаю ее. Лоб под краденой кепкой блестит от пота. Я поспешно вытаскиваю из сумки первый попавшийся листок бумаги (это список покупок для бабушки) и роняю его на тротуар.

– Извините, мисс?

Девушка в форменном платье горничной оборачивается. Тяжелые хозяйственные сумки оттягивают ей плечи, но это не портит ее стройную фигуру. Выглядит она поразительно: высокие скулы и четко очерченный подбородок контрастируют с разрезом глаз, напоминающим лепестки розы. На облаке черных как вороново крыло волос – легкая белая наколка. Наши взгляды встречаются, и у меня отвисает челюсть. Это та самая горничная, эффектный вопль которой завершил вечеринку у Вебстеров!

– Это вы мне? – Ее акцент так же трудно определить, как и тип лица.

– Не вы уронили? – Я подбираю листок с земли.

– О господи, может, и я. – Она заглядывает в правую сумку, из которой торчит бумага для выпечки. – Вы не могли бы положить его сюда?

– Конечно. – Я запихиваю ей в сумку список бабушкиной косметики и выпрямляюсь. – Извините, если мой вопрос неуместен, но вы, случайно, работаете не в Вебстер-коттедже?

Она ничего не говорит, но мне ответ и не требуется. Глав-

ное, не дать ей уйти.

– Я пишу для раздела «Стиль жизни» в местной газете и хотела бы задать вам несколько вопросов. – На моем лице выражение сдержанного любопытства.

– В газете? – повторяет изумленная горничная.

– Да! И мне позарез нужны советы по уборке! – Я вежливо смеюсь. – Ни ваше имя, ни имя вашего нанимателя разглашено не будет.

Конечно, никакого раздела «Стиль жизни» в «Кводди каррент» нет и в помине, а если бы и был, сомневаюсь, что Вебстеры разрешили бы своей прислуге с ним связываться. Но ничего другого мне в голову не пришло.

Некоторое время горничная разглядывает меня, а потом дерзко вскидывает бровь.

– Почему бы и нет? – бросает она с вызовом. – Я всегда хотела быть знаменитой. Вы можете назвать меня Горничной-Голландкой? Все сплошь судачат о горничных – англичанках и француженках, а ведь голландские девушки ничуть не хуже.

Я веду Голландку к столику для пикников, от которого открывается вид на гавань, и приглашаю ее присесть. День выдался погожий. На ярко-голубом небе ни облачка, на волнах играет легкая рябь. Девушка сгружает увесистые сумки, а я вытаскиваю из своей сумки небольшой ежедневник в кожаном переплете и визитную карточку.

– Диана Бин, – представляюсь я с тонкой улыбкой и про-

тягиваю карточку. — А вы...

— Лиске. — Фамилию девушка не называет.

— Очень приятно познакомиться! Ну что, Лиске, повозимся в грязи, да? Мне любопытно, как проходит обычный день в Вебстер-коттедже. Какие секреты помогают вам поддерживать дом в чистоте? Уверена, в уборке вы любой из нас фору дадите.

Горничная взхлеб перечисляет свои обязанности по дому, и кое-что из этого похоже в лучшем случае на нездоровые амбиции, а в худшем — на откровенное рабство. Она и шьет, и немного готовит, помимо того, что ей приходится выполнять любую прихоть миссис Вебстер. Я ободряюще киваю, рисуя каракули в блокноте. Минут пять уходит на советы по вытиранию пыли, штопке и выбиванию ковров, и наконец мне удается вставить слово:

— Нам всем очень любопытно, как живут люди другого круга. Можете поделиться чем-нибудь удивительным, что вы замечали в этом выдающемся семействе?

Ее горделивая улыбка меркнет.

— Этого я не могу сказать.

— Никоим образом не собираюсь создавать вам проблемы, но мне бы хотелось лучше представлять жизнь в Вебстер-коттедже. Наши читатели так заинтригованы их...

— На прошлых выходных кое-что случилось, — неожиданно говорит Лиске и тут же зажимает рот рукой.

— Хорошее или плохое? — Я изображаю беспристраст-

ность, смешанную с участием.

– И то и другое. – Лиске склоняет голову набок, подбирая слова. – Была одна женщина... любимица семьи. Она из Коннектикута, вечно навевалась в дом в Род-Айленде. Жуткая неряха, со мной всегда держалась очень грубо. Никакого уважения ни к порядку, ни к личным границам! Не знаю, она это делала назло или от природы такая грязнуля, но после нее на меня всегда сваливалось вдвое больше работы.

– Непросто, наверное, управляться в таком знаменитом доме, среди выдающихся людей.

– И не говорите! – со смешком отзывается девушка. – Она была ничуть не лучше его.

– Кого?

Лиске открывает было рот, но в конце концов передумывает. Розовые ноготки барабают по поверхности стола, она покусывает губы.

– Вообще, я чувствую себя виноватой, – говорит она, понизив голос, и тербит оборку на фартуке. – Потому что я ее прокляла.

У меня отваливается челюсть. Не хочет же она сказать, что...

– Я молилась, чтобы с ней случилось что-нибудь плохое, так оно и вышло. – Опустив голову, Лиске начинает отковыривать хлопья потрескавшейся краски на краю стола. – Как думаете, это я виновата?

Я смотрю в ежедневник, чтобы скрыть замешательство.

Черной магии я от этого разговора *никак* не ждала.

– А что произошло? Трудно выразить мнение, не зная...

– Они тискались! – объявляет она.

Брови у меня ползут вверх.

– Тискались... – повторяю я.

Лиске с трудом сдерживает возбужденный смех.

– Да! Эта женщина, которая мне так не нравилась, развлекалась в гостиной. Я там потом прибиралась и нашла одну из ее сережек под *прямой* диванной подушкой! Все подушки пришлось взбивать. А еще под диваном валялась подвязка – я даже не знала, что такое еще носят! – Ее щеки от вспыхнувшего румянца становятся будто еще смуглее. – Яркорозовая!

– И куда вы ее дели?

– Выкинула. – В ее голосе чопорность, но щеки предательски горят.

– В этом коттедже впервые случилось что-то плохое?

Лиске невольно тянется к фартуку, но берет себя в руки.

– Это не для газеты, но...

– В статье будет про лимоны, средство для мытья посуды и белый уксус. Но вы меня заинтриговали. Не беспокойтесь, вы в безопасности. – Меня саму поражает искренность, с которой я говорю. – Разговор не уйдет дальше этого стола.

– Ну... У Клода тяжелый характер, – произносит девушка, потирая запястье.

– Клод – это отец? Он дурно обращается с персоналом?

– Нет, это один из сыновей. – Она прикусывает губу. – Он никого из прислуги никогда не трогал. Только своего брата.

– Клод бьет своего брата? – Мне все трудней сохранять профессиональную невозмутимость.

– Он не умеет себя контролировать, – качает головой Лиске. Похоже, Клод – главный источник ее неприятностей.

– Вы обращались в полицию?

(Надо же было такое брякнуть! Язык мой – враг мой.)

– Пыталась, но они были слишком заняты. – На мое счастье, Лиске ничего не заметила.

– Придурки, – бормочу я.

Лиске вскидывает на меня глаза, и я захлопываю ежедневник. Пора заканчивать, пока я не выдала себя окончательно.

– Спасибо, что поговорили со мной, Лиске. Наши читательницы будут счастливы узнать, как выводить...

– Только имени моего не называйте! Просто Горничная-Голландка. – В глазах, похожих на лепестки, читается мольба.

– Я никогда не раскрываю свои источники. Как мило, кстати, что вы из Голландии. Всегда хотелось там побывать.

– Я голландка лишь наполовину, – произносит она загадочным тоном. – У нас многие кто откуда. Был слуга из Малайзии, но он недавно уволился. У Вебстеров интернациональный штат.

Надо полагать.

– Ну а теперь вы местная.

– Только до завтрашнего дня. Нас отправляют в главный дом в Род-Айленде. – Она поднимается, взваливает на себя тяжелые сумки и отправляется своей дорогой.

В «Починке и отделке» я сбрасываю свой маскарадный костюм и сажусь за швейную машинку. Прострачивая клетчатые занавески, я прокручиваю в памяти недавний разговор. Постойте-ка. Странное дело – я ни разу не ляпнула ничего неловкого, не запнулась. Наверное, дело в том, что я выдавала себя за кого-то другого.

Вечером я чищу зубы и вспоминаю признания Лиске. Звонит телефон. Я выплевываю зубную пасту, шлепаю в спальню и беру трубку.

– Алло? – бормочу я, но на другом конце провода тишина. Когда я полощу горло, звонят снова.

– Не смешно, – упрекаю я телефонный аппарат. Мое дыхание отдает мятой из-за «Листерина».

– Гертруда, – неожиданно произносит незнакомый голос в трубке. – Мой мир пуст без тебя.

У меня перехватывает дыхание, затем я устремляю обвиняющий взгляд в сторону тумбочки, где лежит любовное письмо.

– Вы Эдгар? – спрашиваю я, понизив голос, и наливаю в стакан воду из графина.

– Собственной персоной, – с сарказмом отзывается Эдгар. – Гертруда, накажи меня! Терзай меня! Твори со мной что хочешь, дорогая, только не бросай меня вот так!

Я едва не роняю стакан.

— Простите, но вы ошиблись номером. Я *не* ваша Гертруда, — сообщаю я в трубку и отпиваю немного воды, чтобы избавиться от неприятного привкуса во рту. — Мы с вами незнакомы.

Сквозь помехи доносится смех.

— Дорогуша, я знаю про тебя все. Например, что сегодня ты наврала молодой женщине. И еще я знаю, что ты в опасности.

Стакан все-таки выскальзывает из моих пальцев, падает на деревянный пол и разбивается вдребезги под пронзительные короткие гудки в телефонной трубке.

— Присмотрела кого-нибудь на вечеринке? — спрашивает Флоренс на другой день.

Я подавляю зевок, перебирая стопку ее юбок, которые надо подшить. Всю ночь я маялась бессонницей после того жуткого звонка, а теперь Флоренс добивает меня своими издевками.

— Может, молодого Вебстера? — продолжает она, примеряя шляпку-таблетку.

— Может быть, — роняю я, выворачивая наизнанку твидовую юбку и доставая сантиметр.

— Эталон красоты. Занятные вещи рассказывает.

— Да, кажется, он умеет два слова связать. — Я подкалываю подол булавками. — У него вроде бы есть старший брат...

– Звезда футбола. Эдакий пирожок с мясом⁹. Сплошные мускулы. – Флоренс с глупой улыбкой запрыгивает на подставку для примерки и любуется формой своих ног в трехстворчатом зеркале.

– И еще там какой-то усатый был, – бормочу я, давя зевок. – Он...

– Тедди Брикстон. Он уже не так хорош, но я его поцеловала, – сообщает Флоренс с дурацким смешком. – В щечку. Я когда-то видела его на пляжном пикнике в Кампобелло. Он часто зависает с кланом Эшкрофтов.

И она умолкает, ожидая реакции.

– О, Флоренс, это потрясающе! – спохватываюсь я.

Она сияет, глядя одновременно на себя и на меня в зеркало.

– Пустяки. Я всегда вращалась в элитных кругах. С богачами дело в том, – она доверительно понижает голос, – что они такие же, как мы. Им нужно немного веселья. Немного флирта. Я знаю, как с ними разговаривать. Поэтому я неизменно в списках приглашенных.

Флоренс не упоминает верфь своего папаши – а это, как я подозреваю, и есть причина, почему ее список светских

⁹ Пирожок с мясом (англ. *beefcake*) (идиом.) – привлекательный мужчина с хорошо развитой мускулатурой. Происходит от сленгового выражения 1940-х гг. «пирожок с сыром» – разговорное определение «спортивной женщины с загорелыми ногами». Чтобы не отставать от конкурентов, спортивные мужчины выбрали слова *beef* от латинского *boven*, «вол, бык», и *cake*, заимствованное из древневерхненемецкого *kuoho*, «сладкая выпечка».

мероприятий всегда полон. На «Пеллетье яхтс» ремонтируются все фешенебельные лодки в наших краях, и понятно, что судовладельцы стараются ладить с ее хозяином. Кораблестроение в Восточном Мэне – прибыльное дело. С Брикстонами и Вебстерами, конечно, не сравнить, но все-таки Флоренс Пеллетье летает куда выше других.

– Мы с Тедди как-то перекинулись словечком. Кажется, он на меня запал.

– А разве он не был на вечеринке с подругой? Такой...

– В обалденном платье? Да, я ее видела! – Флоренс краснеет. – Может, позвоню ему. Брикстоны наверняка есть в телефонном справочнике. – Она наклоняется к юбке, которую я уже прострачиваю, и грозит пальчиком: – На дюйм короче! Не будь ханжой, Билли. Только мини!

Я тянусь за распарывателем.

Из визита Флоренс я делаю четыре жизненно важных вывода:

1. У нее нешуточные галлюцинации.
2. Она понятия не имеет, что подруга Тедди мертва.
3. Я знаю, какой будет мой следующий шаг в расследовании.
4. Надо потратиться на юбки покороче.

27 июня дверной звонок кладет конец очередной бессонной ночи. Сквозь занавески пробивается солнечный свет. Под жужжание звонка я слезаю с кровати и выглядываю в окно. Дедушкиного «быюика» нет на месте, значит, откры-

вать мне. Поглядывая в зеркало, набрасываю халат и стягиваю волосы в хвост. Вид, конечно, не очень, но за полминуты тут ничего не поправишь. Поэтому я расправляю плечи и иду вниз.

Заместитель шерифа Гордон Эбботт стоит на верхней ступеньке и ковыряется в зубах. Лицо и повадки у него, как у дряхлого бульдога.

– Чем могу быть полезна, сэр?

– Привет, Билли! – хрипит он, вваливаясь в гостиную.

Я пытаюсь остановить его, но он протискивается мимо. Пользоваться нашей гостиной категорически не рекомендуется. Это скорее не жилое помещение, а выставка типичной американской роскоши. Телерадиола, отделанная деревянным шпоном, украшенный изображениями павлинов каминный экран, модные тарелки на стенах – бабушкина гордость и отрада. И все это под тонким слоем пыли. Почти уверена, что если поискать в словаре прилагательное «неряшливый», то оно будет проиллюстрировано нашим стеганым диваном, похожим на зеленый кекс в пластиковой обертке.

Заместитель шерифа Эбботт шагает по ковру, оставляя на нем грязные следы, и плюхается в дедушкино глубокое кресло.

– Помнишь, ты меня видела на вечеринке? – спрашивает он. Его речь – это смесь южного говора с шотландским акцентом, и чужаки, как правило, ничего не понимают. Он до неузнаваемости глотает согласные и смазывает гласные. Вот

и сейчас получается «вечинка» вместо «вечеринки».

– Да, в Вебстер-коттедже. – Я сажусь на отчаянно скрипящий диван.

– Ты была единственным гостем, допущенным в дом под конец праздника, – хмуро сопит заместитель шерифа.

– Допущенным?! – вскипаю я. – Выходит, что меня туда никто не приглашал? Тебя послушать, так я была с кем-то в сговоре...

Заместитель шерифа Эбботт поднимает палец и водружает ботинки на скамеечку для ног.

– Как я сказал, тебя видели в доме под конец вечеринки. И ты могла решить, будто там что-то случилось. Так вот, я здесь, чтобы сказать тебе, что ничего не было. Ты девушка умная. Сама понимаешь, что это деликатная ситуация. Мы не хотим, чтобы ходили всякие пересуды и страдала чья-нибудь репутация.

Я правильно понимаю? Заместитель шерифа только что угрожал моей репутации?

– То есть вы хотите, чтобы я никому не говорила об увиденном? – уточняю я, поправляя наспех собранные волосы.

– Я *прошу* тебя не в-в-вмешиваться в мое расследование, – запинаясь, выдавливают Эбботт, и бисеринки пота блестят над его верхней губой.

– Так расследование все-таки ведется?

– Нам не нужна охота на ведьм, – бубнит Эбботт, и я прищуриваюсь. Интересный подбор слов – с учетом недавнего

разговора о черной магии. – Народу у нас мало, и у всех дел по горло. Своих забот хватает, а на нас еще давят...

Он умолкает на полуслове.

– Вебстеры? – отваживаюсь я.

– Неважно кто. Так что нечего мести языком по всему городу. Не лезь к свидетелям. Не вмешивайся!

Каждое слово Эбботт сопровождает ударом кулака по подлокотнику.

Я смотрю на заместителя шерифа в полном замешательстве. Откуда он знает, что я расспрашивала про убийство? Лиске пожаловалась? И тут до меня доходит: это же Люк говорил, чтобы я держалась от следствия подальше! *Это он все рассказал своему шефу! Выдал меня!* Взять бы сейчас телефонную книгу да высказать Люку Блэквуду все, что я о нем думаю!

– Словом, если тебе кажется, будто ты что-то такое видела, держи свои мысли при себе. Это я тебе как представитель закона говорю.

– Какого именно закона? – Трудно напустить на себя грозный вид, когда ты вся помятая спросонок, но я пытаюсь.

– А? – Полицейский хмуро морщится, толстые щеки багровеют. На бархат кресла летят капли пота, когда он поднимается с места.

– Чей закон вы поддерживаете? – уточняю я. – Навряд ли президента Линдона Джонсона. Уж его-то убийство наверняка обеспокоило бы.

Но заместитель шерифа Эбботт не отвечает. Он топает к входной двери, назидательно подняв кверху палец.

– Я тебя предупреждаю, Билли. Хватит лезть с расспросами.

– Ягодка, иди сюда, – зовет меня бабушка пять минут спустя.

Я как раз устраиваюсь возле телефона, зажав между колен справочник, и собираюсь звонить Блэквуду.

– Я сейчас не могу!

– Сладенькая, ты мне нужна сию секунду! – В бабушкином ворковании звучат стальные нотки. Я откладываю справочник в сторону, ненароком сминая страницу, и плетусь наверх. Грейс сидит на кровати, звук ее телевизора выключен. На плетеном подносе для завтрака лежит карточка, густо исписанная фиолетовыми чернилами.

– Будь так добра, купи мне вот это.

Она сует карточку мне в руки, и я мрачно просматриваю список.

Мятный ликер

Савоярди бисквитные

«Космополитен», июльский выпуск

Детское питание с заварным кремом

Белый какао-ликер

Клубничный сироп «Херши»

Пивной шампунь

Румяна для коленей

– Грейс, я сейчас немного занята.

Вот она, одна из (многочисленных) проблем, когда живешь с бабушкой и дедушкой. Они считают тебя девочкой на побегушках. А ведь сегодня суббота, когда охота бездельничать, а не рыскать в поисках всякой фигни для людей преклонного возраста.

– Да, я тоже занята. Все раздумываю, как расстроил бы твоего дедушку только что услышанный мною разговор, – заявляет Грейс, включая звук очередной серии «Путеводного света». – Но ведь мое молчание *можно* купить.

Глава 5

Как одеваться яхтсменам

Ваш костюм зависит от размера яхты. Рекомендуется взять свитер и бандану или берет, даже если вы отплываете в жаркий день при относительно спокойном море.

Я беру баночку жидких румян и с опаской оглядываюсь через плечо. Направляясь к полкам с детским питанием, я мечтаю о маскировке – не хотелось бы, чтобы меня застукали с пивным шампунем в тележке. Дойдя до кассы, перевожу дыхание – и тут-то меня и засекают.

– Билли! – Эйвери приближается ко мне, держа в руках до боли нормальную корзинку: упаковка с шестью банками пива и арбуз.

Бронзовый загар, одежда в стиле Лиги плюща: поношенная голубая футболка и узкие джинсы. Волосы в живописном беспорядке.

– Нет... – Сердце обрывается, и я роняю в тележку банку с воском для эпиляции в зоне бикини.

– Да! – Он улыбается. – Ты просто идеальна!

– Для чего? – Я встаю между ним и своей тележкой, загромождавая компромат.

– Для этого дня. Какие у тебя планы на сегодня, кстати? –

Он заглядывает через мое плечо. – Моешь голову пивом и готовишь коктейль «кузнечик»?

– Я не...

– Не отпирайся. У тебя в тележке все необходимые ингредиенты, – говорит он, заметив пыльную бутылку какао-ликера. – Так что скажешь? Хочешь вляпаться в какую-нибудь переделку?

– Я этим уже несколько часов занимаюсь, – сообщаю я с застенчивой улыбкой, а Присцилла Лайонс между тем берет за мои покупки.

– Тогда замetano. Встречаемся в два часа на лодке, которую ты нашла такой отвратительной.

– У меня и в мыслях не было оскорблять твою лодку. – Я заливаюсь краской гуще бабушкиного клубничного сиропа. *И зачем я так нагрубилa?* – Это мне скорее до Хемингуэя дела нет. Он пишет так... по-мужски. И это очень неловко, ведь Хемингуэя все любят...

Я несу откровенную чушь, а Присцилла окидывает меня жалостливым взглядом, внося в чек детское питание.

– Да ты не волнуйся, – плутовато ухмыляется Эйвери. – Я никому не выдам твой секрет.

– Боюсь, что многовато у меня таких секретов.

– Я уже догадался. – И Эйвери кивает на кассу, где Присцилла берет за румяна.

Я все еще прокручиваю в памяти разговор с полицией, когда чуть позже возвращаюсь на место преступления. Судя

по тому, как с заместителя шерифа Эбботта лил пот (*гипергидроз*), взвинчен он был как следует. По мне, так не лучший кандидат для расследования убийства.

Шины велосипеда поскрипывают на мощеной дорожке у Вебстер-коттеджа. Я внимательно озираюсь по сторонам. Ни на лужайке, ни на подъездной аллее никого, только зеленый «порше» припаркован у входа. Родители, похоже, отбыли, захватив с собой Горничную-Голландку.

Наперстянка шуршит, цепляясь за мою юбку, дельфиниум щекочет голени. Я пробираюсь к берегу мимо зарослей диких роз, и блики от лампы, подвешенной к ветви дуба, играют на моем линялом голубом сарафане. Передо мной залив Пассамакводди, по глубокой синеве крошечными точками скользят белоснежные яхты. Солнце печет нещадно, но, по счастью, на причале, где мы встречаемся с Эйвери, веет прохладный ветерок с океана.

– Минута в минуту! – Эйвери тащит на лодку красный переносной холодильник, и бисеринки пота блестят на его висках. – Надеюсь, ты готова к приключениям?

– А я надеюсь, что ты эти приключения не переоцениваешь, – ехидничаю я и лезу в свою сумку. Я не в курсе, что надо брать на лодочную прогулку, ихватила с собой свитер и легкий перекус. – Это тебе. – Я протягиваю ему бело-голубой пакет.

Эйвери, прищурившись, смотрит на упаковку «Ахой»¹⁰.

¹⁰ Ахой (межд.) – восклицание, используемое для приветствия другого судна

– Что это?

– Печенье с шоколадной крошкой. Ты что, никогда такого не видел? Или оно слишком низкопробное для тебя?

– Вообще печенье видел, но вот хорошее – точно нет, – хмыкает он, кладя пакет на холодильник, а потом закидывает в лодку мою сумку. Крепкие мускулы на его плечах слегка вздуваются, когда он отвязывает лодку от ограждений на причале. Он аккуратно сматывает канат и делает мне знак, что пора забираться на борт.

– Мама учила меня никогда не приходить в гости с пустыми руками, – объясняю я. – Но она не уточняла, что именно нужно на лодочной прогулке, и я подумала, что печенье «Ахой» подойдет. Это же так по-морскому, правда? Сама не знаю почему.

– Одна из величайших загадок нашего времени, – бросает он, с небрежной легкостью включая зажигание и направляя лодку в море.

Волны плещутся о планшир, остров Муз потихоньку уменьшается, оставаясь позади. Чайка с криком пронесется над лобовым стеклом, от которого отражается солнце. Соленый ветер ерошит волосы, теребит складки на подоле. От того, что я на воде, меня охватывает приятное возбуждение. И тут я замечаю, что Эйвери, чуть приоткрыв рот, смотрит

во время плавания. Этот морской термин, ведущий происхождение от средневекового приветствия «Хой!», изначально использовался на парусных судах. Как и *aloha*, «ахой!» может применяться с различными целями: как знак приветствия, прощания или предостережения.

на меня своими загадочными серыми глазами, и ощущение счастья становится чуть менее беспечным, но гораздо более волнующим. Чтобы отвлечься, я открываю печенье.

– Жизненно важный вопрос: шоколадная крошка или печенье?

По изгибу его ключицы скользит капелька пота. Я внимательно разглядываю содержимое пакета.

– А как насчет шоколадной крошки в печенье? – Он протягивает руку.

– Или – или! – Я отодвигаю пакет.

– Тогда печенье, – ухмыляется он.

Лодка несется, разгоняя стайку менхэдена, и по волнам рассыпаются серебряные блики. Мы в Западном проходе, беспокойные воды которого воображаемой линией отделяют Мэн от Канады. Эйвери поворачивает вправо, и от легкого наклона я придвигаюсь ближе к нему. Вокруг, как и при первой нашей встрече, плещется бескрайний океан.

– А если посмотришь налево, то там Старая свинья. Худшее название для водоворота, которое только можно было придумать, – сообщает Эйвери тоном экскурсовода. Я, пошатываясь, перебираюсь к борту и всматриваюсь в пенные гребешки.

– Скорее, вызывающее! – откликаюсь я, перекрикивая плеск волн.

Искрящиеся на солнце клочья пены взлетают в воздух. Старая свинья – самый большой водоворот Западного полу-

шария, свое название он получил за чавкающие звуки, которые издает вращающаяся воронка. Во время прилива миллиарды кубометров воды сталкиваются здесь с потоками из рек и ручьев, впадающих в океан. Эти течения сшибаются над провалом, разделенным подводным хребтом, закручиваются спиралью и уходят на дно. За многие годы десятки суденышек играли здесь со смертью и пропадали бесследно. Это не мешает здешним мужчинам опять и опять возвращаться сюда, испытывая свою удачу. Что может быть круче, чем просто так взять и устроить кораблекрушение!

– Да, они явно перегнули палку! – Эйвери покачивает головой и огибает водоворот.

Краем глаза я улавливаю какой-то блеск и прищуриваюсь – на удаляющемся берегу возвышается Вебстер-коттедж. Я и не подозревала, что он расположен прямо напротив водоворота. И что это говорит о владельцах? Что они возвели дом с видом на стихийное бедствие? Мы поворачиваем направо и идем мимо маленького угрюмого маяка на острове Дир. Повисает тишина.

– Веселый разговор или уютное молчание? – спрашиваю я, протягивая ему печенье.

– Уютное молчание, – откликается Эйвери, задумчиво жуя.

– Вранье, – хмурюсь я. – Ты не интроверт. На вечеринке ты был просто душой компании.

– Горькая правда. Только не говори никому, жаль рушить

мою репутацию, – просит он, ведя лодку мимо острова Черри. Красивый островок, такой же милый, как и смущение Эйвери.

– Что ж, мы составляем непопулярную компанию, – бормочу я, принимаясь за очередное печенье. – Можно организовать клуб изгоев.

– Для меня это чересчур модно, – откликается он, поворачивая руль красного дерева.

«Мак» летит вперед, рассекая волны, и до меня наконец доходит: вот почему тем вечером Эйвери хотел показать мне лодку. Его суденышко значит для него то же самое, что и для меня – мои книги. Они спасают нас от одиночества.

В Пассамакводди около двух сотен островов. Одни – не более чем поросшие травой холмики, мелькающие среди волн, другие – могучие монолиты. Наш Истпорт построен на острове Муз, очертания которого напоминают лосиные рога. Дальше Блисс, Трит, Поупс, Хоспитал и Вулвз – кучка одиноких скал, тянувшихся у входа в залив. И чем дальше от берега, тем более дик и суров их облик. Эйвери указывает на утес из песчаника, похожий на палочку от сахарной ваты. Вид у утеса какой-то обглоданный, кажется, что случайная волна легко может опрокинуть его.

Отец часто катал меня на лодке и показывал островки – точь-в-точь как сейчас делает Эйвери. Обычно я сразу отгоняю от себя подобные воспоминания, они слишком мучительны. Но сегодня, когда мы со смехом летим по волнам,

под ярким солнцем хрустя ужасным печеньем, это уже не так тяжело. Мое горе утратило остроту. Оно уже не как водоворот, а как соленый воздух – постоянное, но слабое. И уже не давит на меня, потому что я научилась дышать.

Мы приближаемся к окруженной скалами бухте, над которой возвышается красный маяк. Хед-Харбор – один из старейших маяков на Восточном побережье. Солнечный свет, отражающийся от огромного фонаря, слепит глаза. Эйвери переводит рычаг управления в нейтральное положение и бросает якорь. Цепь гремит на вращающемся брашпите, и Эйвери закрепляет ее. Потом он отвязывает от кормы каяк, и я старательно отвожу глаза от его перекатывающихся мускулов. Лучше вместо этого вытащить из холодильника две бутылки пива и переложить их в холщовую сумку. Эйвери забирает ее у меня и указывает на каяк:

– Надеюсь, у тебя нет водобоязни?

– Забавно было бы, правда? – отзываюсь я, спускаясь по трапу в каяк. Эйвери передает мне весло и перебирается следом.

Мы плывем к берегу, покрытому мелкой круглой галькой. Эйвери открывает пиво (не без удовольствия отмечаю, что это «Рейнгольд Экстра Драй» – самое претенциозное пиво, какое только можно отыскать), и мы передаем его друг другу, окутанные полуденным маревом. Зной впитывается в кожу Эйвери, усиливая ее бронзовый оттенок. Воздух, напоенный запахом водорослей и спелой черники, солоноват и сладок.

Мягко шуршат молодые деревья и цветы, оплетающие скалы. Мы устраиваемся на залитом солнцем уступе и разглядываем облака. Одно похоже на кролика, а другое – на бутылку мартини. Я так счастлива, что и не передать словами. Я буквально на девятом облаке¹¹.

– Я несколько раз видел тебя в Истпорте, но не решался заговорить, – признается Эйвери, не отрывая взгляда от кучевых облаков в вышине.

– У меня такой устрашающий вид? – Я поворачиваюсь к нему.

– Нет, самодостаточный. Не хотелось получать от ворот поворот.

– Я так рада, что ты все-таки решился. Сегодняшняя прогулка – отличная затея... и замечательное свидание.

Я робко кошусь в его сторону, а потом откидываюсь назад, прислоняясь к согретому солнцем граниту, и смотрю на зыбкие облачка. На бледно-голубом небе появляются первые розоватые и пурпурные отблески.

– Билли, никто не говорил, что это свидание, – со смешком поправляет Эйвери.

– Погоди, а что это тогда? – Я выпрямляюсь, озадаченно

¹¹ Быть на девятом облаке (идиом.) – аналог «быть на седьмом небе». В «Международном атласе облаков» (1896 г.) облака подразделяются на десять типов. Девятый тип – кучево-дождевые облака (*Cumulonimbus*), ну, вы знаете, такие милые и кучерявые. Обычно облака висят в небе на высоте около 6 км, а эти поднимаются на 13 км, и видно их очень редко. И в этом особый смысл: нельзя же вечно пребывать в состоянии блаженства, иначе пропадает все очарование.

нахмурившись.

– Главным образом извинение, – бормочет он, отводя от лица прядь волос. – Честно говоря, мне чертовски неловко за ту вечеринку...

– Эйвери, я же не обвиняю в случившемся тебя!

– Ты столкнулась с очень скверным поведением. Это было немыслимое нарушение приличий. Мой отец и тот нагрубил тебе, увидев на лестнице. Обычно мы вежливы. Порой даже учтивы... И я... Мне очень стыдно за то, что ты увидела, – произносит он, покачивая головой.

Я рассеянно обдираю этикетку со своей бутылки.

– Ты знал ту женщину с вечеринки?

Все это время я гоню от себя мысли о Гертруде, но стоит Эйвери заговорить о вечеринке, как она тут же берет реванш.

– Был слышан. Она была довольно своеобразной.

– Настоящая примадонна, – бормочу я, и Эйвери едва не давится пивом.

– Она была бы польщена.

– А того, с усами, как у Марка Твена, ты знал?

Эйвери фыркает, и на его лицо набегает тень.

– Тедди, сукин сын.

Я хмуро разглядываю бутылку «Рейнгольда». Надо привести мысли в порядок. *Итак, есть трое мужчин, у которых был роман с Гертрудой. Мои первые подозреваемые:*

- Тедди с его гнусавым голосом, дурацким галстуком и дергающимися усами.

- Эдгар, отправивший мне письмо, из-за которого все и разгорелось. Его хриплый голос прервал мой прекрасный сон, но воочию мы с ним не встречались.

- Светловолосый дикарь из холла. Имя неизвестно.

У нее были *крайне* разнообразные вкусы.

– Ни для кого не секрет, что Гертруда его дурачила, – продолжает Эйвери, отставляя бутылку. – Вот его и переклинило. Бесхребетный дурень.

– Думаешь, он способен на убийство? – Я тянусь за его бутылкой и скovyриваю этикетку уже с нее.

– Тедди сам себе выпивку заказать не мог, куда ему убийство планировать, – пожимает плечами Эйвери. – Он изнеженный, как комнатная собачонка. Хотя я, конечно, допускаю, что даже пудель может разбушеваться.

Он умолкает и смотрит, как я отдираю этикетку целиком и кидаю ее на камни.

– Дорогая, не мусори, пожалуйста, я ненавижу беспорядок. – И он подбирает бумажку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.